

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

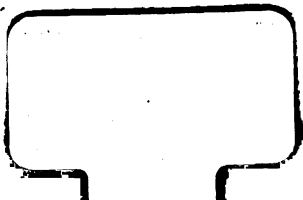
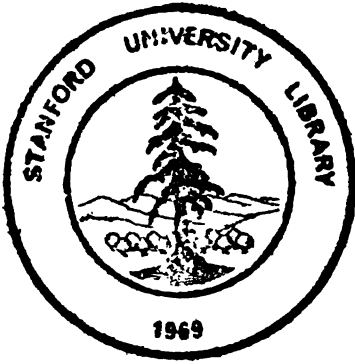
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG
3332
V43S83
1832a

Storozhenko, A. I. A.
"

МЫСЛИ МАЛОРОССІЯНИНА,

ПО ПРОЧТЕНІИ ПОВѢСТЕЙ

ПАСИЧНИКА РУДАГО-ПАНЬКА,

ИЗДАНИХЪ ИМЪ ВЪ КНИЖКѢ ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ,

И РЕЦЕНЗІИ НА ОНЫЯ

Андрія Цариннаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕ

1832.

ЖК

Oliver W. M., Cook American Pa
CUS, 1832, T. 147, orig 3.

PG3332
V43583
1832a

ЗАДА 18
ШКАР
ПОЛКА
№ 3.5

МЫСЛИ

МАЛОРОССІЯНЦНА,

ПО ПРОЧТЕНІИ ПОВѢСТЕЙ

ПАСИЧНИКА РУДАГО - ПАПЬКА,

ИЗДАНЫХЪ ИМЪ ВЪ КНИЖКѢ

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЪ

БЛИЗЪ ДІКАНЬКИ,

И

РЕЦЕНЗІЙ НА ОНЫЯ

Андрія Царыннаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГРЕЧА.

1852.

МЫСЛИ МАЛОРОССИЙСКИЯ, по прочтеніи Повѣстей Пасичника Рудаго-Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ, и РЕЦЕНЗІЙ НА ОНЫЯ.

~~~~~

Повѣсти, или справедливыя, сказки Пасичника Рудаго-Панька, появились въ свѣтъ сопровождаемыя похвалами Сѣверной Пчелы, и потомъ Литературнаго Прибавленія къ Русскому Ивалиду. Дай Боже здоровья Издателямъ ихъ! — „Вошь книга,“ — восклицаетъ Рецензентъ въ Литературномъ Прибавленіи No 79 сего 1831 года: „которая „приноситъ большую честь Автору, и вѣрно принесетъ ему большое спасибо со всѣхъ „сторонъ святой Руси. Рудый Панѣкъ,“ говоритъ онъ далѣе: „разсказываетъ безъ вычуръ, безъ хитростей,“ — а еще далѣе: „что „лица въ повѣстяхъ его неподмалеваны; нѣтъ „общихъ мѣстъ, пошлыхъ и пошлыхъ; происшествія не приплетены за волосы, веселость „неподдѣльная, остроуміе не выкрадено.“

Опдавать справедливость похвальнымъ качествамъ чловѣка, котораго мы знаемъ, разумѣется, коротко, есть обязанность самая пріятная и не тяжелая; но сдѣлать разборъ какому нибудь и маленькому сочиненію, трудно, — а еще труднѣе высказать

справедливья похвалы оному, и представить читателямъ, съ необходимою критическою отчетливостію, тѣ прекрасныя мѣста, кои убѣдили бы каждаго согласиться съ мнѣніемъ потрудившагося надъ разборомъ.

Опвращеніе Г. Рецензента Литературнаго Прибавленія отъ общихъ мѣстъ, производящихъ пошлосту, столь же понятно, сколько и хвала его происшествіямъ, неприятнымъ за волосы. Видно, неприкосновенный Рудый Панѣкъ разказами своими слишкомъ ему понравился, когда самъ онъ, будучи такимъ неохотникомъ до общихъ мѣстъ, нашелъ вообще разказы сіи такими забавными, что не указалъ отдѣльно ни одного лица, ни одного происшествія, заслуживающаго особеннаго вниманія по условнымъ правиламъ рецензіи. Хотя общій обзоръ предметовъ, по заказу, легче разбора оныхъ; но сказки Рудаго Панька требовали послѣдняго, какъ образцовыя, по мнѣнію самого же Рецензента, за кои его Панѣкъ заслуживаетъ *большое спасибо со всѣхъ сторонъ святой Руси.*

Я Малороссіянинъ, люблю мою родину, люблю слушать преданія благословенной старины нашей. — Пѣсни, сказки и присказки погружаютъ меня въ пріятныя думы, и воображеніе рисуетъ тогда усатыхъ предковъ съ воспѣвавшими подвиги ихъ слѣпцами и раз-

сказкикамъ былей и небылицъ. — Въ пѣсняхъ отзывается характеръ народа; въ сказкахъ и присказкахъ повѣрять его, и въ послѣднихъ особенно видно желаніе разсказчика блеснуть затверженными имъ народными шутками. Лестные отзывы извѣстныхъ Литераторовъ о Повѣстяхъ земляка моего Пасичника такъ были по душѣ мнѣ, какъ бы относилась ко мнѣ самому. Знавалъ и я почтенныхъ въ своемъ званіи можно сказать, пустынноическомъ, — патриархальномъ, Пасичниковъ, веселыхъ, словоохотливыхъ старичковъ: и Спецька, и Грицька, и Панька: но Панѣкъ не нашъ! ей ей не нашъ! и изъ трехъ вышепоименованныхъ, каждый, при всемъ миролюбіи своемъ, на клычку: Спецькъ — бы-то, Грицькъ, или Панекъ, конечно опвѣчалъ бы, хотя и подъ сѣдые усы себѣ: *самъ ты Пенекъ!* не разеуждая, что такъ называлъ его Москаль, никогда неживавшій въ Малороссіи, слѣдовательно неимѣвшій случая слышать *именъ крещеныхъ*, присвоенныхъ у насъ простолюди-намъ.

О! ни какой у насъ Панько, не погнивайтесь, не смолчите, если бы назвали его Панекъ. — У насъ панъ-отець, какъ мы величаемъ священника, нарекая мальчика Григоріемъ, или Паншелемъ, обыкновенно привѣтствуетъ родителей, въ угожденіе имъ, съ

поворожденнымъ Грицькомъ или Панькомъ; что повпоряетъ и баба, принявшая младенца отъ купели; и такимъ образомъ отъ колыбели до могилы окрещенные въ спѣхъ, но повѣрью, уменьшенныхъ именахъ, носятъ оныя съ тяжелымъ крестомъ жпшейскимъ.

Печатныя похвалы остроумнымъ Повѣстямъ Паспичика Рудаго-Панька, и самый предметъ, только близкій сердцу Малороссіянина, расположили меня тотчасъ купить *Вегера на хуторъ близъ Диканьки*. Пролетѣлъ непримѣтно, думалъ себѣ, долгій зимній Петербургскій вечеръ; порадоюсь отъ души родному повѣствованію. — И хотя, признаюсь, охлаждала воспоргъ рецензія Литературнаго Прибавленія, въ которой *Панёкъ бѣльмоль кидался съ очи*, пбо неудобно вѣрилось, чтобы коверкающій самое имя Автора могъ выразумѣть и оцѣнить истинное достоинство разказовъ, принадлежащихъ народу, коего языкъ не совсѣмъ, кажется, знакомъ ему, но письмо славнаго Поэта Пушкина, напечатанное въ сей рецензіи, убѣждало внимать похваламъ и не прочитавши Повѣстей, — что могло случиться на грѣхъ и съ Рецензентомъ. — Кого не увлекалъ геній? — Кто разгадаетъ Протея Пушкина? Можетъ быть, Панько разказами своими и дѣйствительно угодилъ кратковременной при-

хоти Поэта, который безъ трудовъ, безъ успій, какъ кажется, подчинилъ богатому своему воображенію и Граціи и Музъ, (исключая нѣкоторыхъ: ибо Малороссійская Кліо не могла быть довольна его Полтавою), и коему наскучило читать въ большѣй части новѣйшихъ стихотвореній нашихъ рабское себѣ подражаніе и даже хищничество изъ императорнаго его скарбу: необыкновенные таланты имѣютъ необыкновенныя и прихоти.

Редакторъ Журнала: Le Miroir No 35-й, объявляя: que l'auteur (Roudy Panko) décrit les moeurs, les coutumes et le langage des bons habitans de l'Ukraine, и смѣшавши, по нашему сказанью, *горахъ съ геревицею*, говоря: déjà les Romans de M. Zagoskin, les nouvelles de M. M. Pogodin et Somoff, les essais critiques de M. Kottliarewsky, en ont été extraits d'une manière plus ou moins éclatante, mais toujours utile à la langue et à l'esprit national, — также, вмѣсто рецензій, привелъ въ доказательство достоинствамъ Повѣстей полное письмо Г. Пушкина; послѣ сего казалось бы и разсуждать не о чемъ.

Но да позволено будетъ замѣтить, что пародія Энеиды, перелопачеванной почтеннымъ Г. Копляревскимъ, какъ шоржество Малороссійскаго слова, написана природнымъ Ма-

лороссійскимъ парвчіемъ; а Гг. Загоскинъ, Погодинъ, Сомовъ и самъ Рудый-Панько пишутъ по-Русски; следовательно сіи Писатели никакъ не подлежатъ одной категоріи; и поверхностный взглядъ на твореніе послѣдняго изъ нихъ, равно какъ безусловная вѣра геніальному Поэту, недостаточны для рецензій.

Видно, Гг. Рецензенты оставили подробный разборъ выхваленныхъ ими Повѣстей, по принадлежности, Малороссійяну, не затрудняя себя тѣмъ, въ чемъ успѣхъ былъ бы сомнителенъ, по незнакомію ими, вѣроятно, простаго быта жителей Малороссіи: дѣло хорошее.

Есть конечно Писатели, кои твореніями своими затрудняютъ рѣшеніе вопроса: нужно ли непременно жить для того въ какомъ нибудь краю, чтобы узнать нравы, обычаи и повѣрья народныя? Но такіе фениксы родятся вѣками. — Въ нетерпѣливомъ ожиданіи подобнаго генія, мы, кажется, еще не можемъ, не выѣзжая изъ столицы, изучать народный бытъ столь разнообразныхъ обитателей обширнаго отечества нашего, коихъ навыки и повѣрья составляютъ весь курсъ наукъ, потребный для разумнѣйшихъ изъ нихъ. — Если Панько и содѣлается въ послѣдствіи нашимъ Вальтеръ-Скоттомъ,

чего я отъ всей души ему желаю, то предшествовавшее сему первое твореніе его не могло, не существовалъ еще, раскрыть предъ Рецензентами богатый родникъ народныхъ преданій; а не оповѣдавши, не узнаешь, какая вода и съ самымъ мелкомъ колодезь.

Да, пора бы родиться и у насъ Вальтеръ-Скотту. — Да встрѣлился первый взоръ его съ чистымъ небомъ и зеленѣющими равнинами моей любезной родины! Дай Богъ, чибобы опытъ земляка моего, Паука, былъ предвѣстникомъ неупоминныхъ трудовъ и будущей его славы!

Мнѣ не случилось быть въ Шотландіи; не знаю Англійскаго языка: но неподражаемый Вальтеръ-Скоттъ, на крыльяхъ своего воображенія, переносилъ мое въ богатую событіями его родину. Я дѣлался едва ли не землякомъ ему! Чинная повѣствованія его о Шотландіи въ переводахъ на другіе языки, казалось, я свыкался, дружилъ съ описываемыми имъ потомками древнихъ Каледонянъ.

Куплю Вечера на хупорѣ близъ Диканьки! Стыдно не имѣть Повѣстей многой родины. — Прочитать оныя не скоро удастся: ибо, хотя и я заплатилъ Смирдину за годовое членіе книгъ изъ его Библіотеки, но самому ѣздить за ними нѣтъ времени, а присылаютъ мнѣ всегда такіа старыя годами, и

такія вѣпхїа изъ новѣйшихъ, что и развертывавшъ спрашно, дабы не помянулись за рукою листы, превращенные въ трущъ множествомъ чинапей.

Случилось, правда, во время холеры, прочитать нѣкоторыя, дорого окупившіяся жерлвы просвѣщенію изъ означенной Библиотеки. Они сдѣлались подобными букварямъ, по которымъ обучающъ грамошъ дѣпей съ деревянными указками; но жалкое положеніе ихъ, вижюсь, истинно меня радовало: ибо оно служило неоспоримымъ доказательствомъ безпрестаннаго употребленія; а невѣжественныя приписки и замѣчанія на вѣпхихъ листкахъ Романовъ Валпера-Скотта суть подтвержденія, что теперь полюбили у насъ чтеніе люди всякаго званія. — Благопамѣренный наблюдатель народнаго просвѣщенія, вообраза цѣну за годовое чтеніе, конечно погрузились въ пріяпныя мысли о грядущемъ, и порадуетса вмѣстѣ со мною и многими любознанію какого нибудь судыца, откладывающаго 60 руб. въ годъ на такое удовольствіе, которое отецъ сего послѣдняго почиталъ едва ли не наказаніемъ.

Благодаря духу времени и благородному направленію народа великаго, чинапелей Русскихъ теперь весьма много; опечесственная Литература не удовлетворяетъ ихъ вполне,

ограничивался весьма не великимъ числомъ Романовъ. Досузіе Писатели наши подчуютъ насъ сплшками, легкими, корошенькими повѣстями, а если кто нибудь не полѣнился наполнить такими сочиненіями книжки двѣ, то сія, легко прославившаяся на пустынномъ Парнасъ нашемъ, брагія, равняетъ его съ самыми знаменитѣйшими современными Авторами просвѣщенной Европы.

Малороссія, по старинной пословицѣ въ оной: *поймать не поймать, а погнаться можно*, приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдолю наспоющаго житья-бытья, многихъ современныхъ Поэтовъ и Прозаиковъ: но попытки въ описательной Поэзій и въ изображеніи народности не совсѣмъ удавались. Напримерь, въ книжкѣ подъ заглавіемъ: *Малороссійская деревня* — сочиненіе Н. Калужинскаго, — сей Авторь, на стр. 12 и 13, рассказываетъ, будто бы беззаботный Малороссійскій крестьянинъ, не взирая на морозъ и вьюгу, охотно прохаживается въ ближайшую винокурню, дабы тамъ побесѣдовать въ лучшемъ обществѣ, и возвращаясь домой, рассказываетъ о новостяхъ сосѣдней винокурни. Не принимаѣтъ ли, полно, Г. Калужинскій, проѣзжая Малороссію, шинковъ за винокурни? Въ первыхъ, дѣйствительно, и

въ самый прескучій морозъ всегда можно сыскать бесѣдующихъ ; а впрочемъ всякой мужикъ обходитъ, какъ говорятъ у насъ, *по за вѣтроу*. И если бы Г. Калужинскому вздумалось предложить нашему мужичку, не хочетъ ли онъ прогуляться на винокурню, — то конечно получилъ бы въ отвѣтъ : *нехай вона загорится ! иды самъ, пане, колы хогешь, въ таке некло !* Счастливъ помѣщикъ той деревни, въ которой случилось пожить Г. Калужинскому, успѣвшій пристрастить крестьянъ своихъ къ винокурнѣ. — Такая деревня видно одна только и есть во всей Малороссіи : ибо вездѣ, если не по очереди, то за наказаніе посылаются люди въ винокуренные заводы, да и радостей тамъ въ дыму и копоти напрасно бы искалъ празднотелъ. — Нѣтъ ! Малороссійцы любятъ потреблять горячее вино, но не выкуривать оно для дохода помѣщику, и присвоиваемая имъ охота прохаживаться по винокурнямъ — несбыточна. — Черта сія, такъ счастливо схваченная Авторомъ Малороссійской деревни изъ народныхъ удовольствій, ведетъ къ заключенію и о всей его книжкѣ, а подобныхъ оной, къ сожалѣнію, не мало мнѣ прочитавъ случилось.

Есть однако же попытки и дѣльными въ прозаическихъ описаніяхъ простаго быта

Малороссіянь. Напримѣръ, Г. *Нарѣжнѣй*, царство ему небесное, сочиненіями своими, а особенно *Бурсакомъ*, умъ съмѣшть и самыхъ умныхъ земляковъ моихъ. Я видѣлъ одного умнаго, почтеннаго старика Протопопа, который, читая Бурсака, то смѣлся, то плакалъ отъ избытка чувствъ и душевнаго умиленія. — Старикъ сознавался, что въ Бурсакѣ онъ видѣлъ почти самого себя, и что, вспоминая ученіе свое въ Переяславской бурсѣ, казалось, дѣлался моложе годами 60-тью. „Бурсакъ,“ говорилъ онъ: „списаць Нарѣжнѣмъ съ натуры.“ — Такіе отзывы — истинная награда Автору!

Жаль, что Г. Нарѣжнѣй писалъ не шеперешнимъ, видимо очищающимся Русскимъ слогомъ, и въ выборѣ предметовъ не былъ изыскателемъ. Его Романы отзываются нѣкоторою обвѣщалою; но цѣль каждого выполнена: характеры выдержаны; всякой рассказъ конченъ удовлетворительно; — прочитавши его Романъ, не ожидаешь тщетно продолженія и дополненія оному.

Монастырка А. Погорельскаго, родившаяся подъ небомъ Малороссіи, подавала надежды несравненно утѣшительнѣйшія тѣхъ, кои могли представляться по прочтеніи Романовъ Нарѣжнаго; но ожидаемаго продолженія оной понинѣ не явилось на свѣтъ бѣлый; про-

чпшавши же первую только часть, нельзя судить о цѣломъ сочиненіи. — Дюндкь съ семействомъ могъ быть заслоненъ другими лицами, ближайшими къ намурѣ, въ слѣдующихъ часняхъ Монастырки. — Неужели и Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки готовилъ такая же участь, на какую осуждена Монастырка, подобно Вечерамъ симъ всѣми преждевременно расхваленная?

Монастырку, кажется, никто не осмѣлился пугать подробнымъ разборомъ; о Вечерахъ же на хуторѣ близъ Диканьки да позволено мнѣ будетъ, съ чистосердечіемъ земляка, Паспичку Рудому-Паньку высказать безпристрастное мое мнѣніе.

Г. Полевой, коего рецензіи о нашихъ литературныхъ издѣліяхъ бывають большею частію самая удовлетворительнѣйшія, хотя иногда и весьма рѣзкія, въ *Московскомъ Телеграфѣ* No 17 сего 1831-го года, оцѣнилъ по силамъ своимъ и по достоинству, высокопаренія въ слогѣ Паспичка Рудаго-Панька, и тѣмъ избавилъ меня приниматься не за свое дѣло. — Будучи просто читателемъ, я не берусь ничего говорить удовлетворительнаго о слогѣ вообще въ разбираемыхъ мною Повѣстяхъ моей родины. — Мнѣ онъ кажется также какою-то смѣсью: *высокопаренія къ сладострастному куполу*, (какъ Авторъ

Повѣстей называется на стр. 1-й твердь небесную), съ злыми разгулями по ярмаркѣ. Если бы не было этого заносчиваго паренія по поднебесью, то слогъ Панька еще болѣе соответствовалъ бы предметамъ его рассказовъ. Но ежели такая разнообразность въ слогѣ именно и понравилась извѣстнымъ нашимъ Литераторамъ, то я долженъ ограничиться въ такомъ случаѣ пословицею: *учеными и книги въ руки!* Признаюсь однако жъ, что выраженія въ 1-й Повѣсти, подъ заглавіемъ *Сорогинская ярмарка* (въ 1-й главѣ стр. 2-я): „звонкій громъ перепела, хорошенькая дочка „съ черными бровями, ровными дугами, поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами „(стр. 5): засверкали огненные, одыпыя холодомъ искры — (стр. 7): обдавала шумомъ окрестность. (стр. 8),“ не показались мнѣ прекрасными: ибо перепелинаго грому я не слыжалъ; искръ, одыпыхъ холодомъ, вообразить не умѣю, и чтобы кого, вмѣсто воды, обдавали шумомъ, мнѣ видѣть не случалось. Но въ сей же самой главѣ, которую я началъ разбирать по порядку, есть дѣйствительно картины живописныя; напр: „Горы „горшковъ, закутанныхъ въ снѣго, медленно „двигались, кажутся, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая „побудь расписанная миска, или жакшра,

„хвастливо. выказывалась изъ высоко-взгро-
 „можденнаго на возу плетня, и привлекала
 „умилные взгляды поклонниковъ роскоши.“
 (стр. 3). Или: „Небо, зеленые и синіе лѣса,
 „люди, возы съ горшками, мельницы, все опро-
 „кинулось, спояю и ходило вверхъ ногами,
 „не падая въ голубую прекрасную бездну“,
 (стр. 9). — Сія послѣдняя картина, предста-
 вившаяся дѣвушкѣ, несвязавшей изъ своего
 скучнаго села, — неподобна.

Но слогъ, какъ я выше сказалъ, не мое дѣло;
 объ немъ я намѣренъ только говорить ми-
 моходомъ. Мнѣ хочется представить на судъ
 читателей: выполнилъ ли землякъ мой, Пасяч-
 никъ, принятую имъ, какъ кажется, на се-
 бя обязанность познакомить ихъ съ народ-
 ными нашими *повѣстями*, — обычаями и
 повѣрьями?

Всякой, кто только жила въ Малорос-
 сіи, согласился со мною, что у насъ, встрѣ-
 чаешь ли на пути крестьянина или крестья-
 нку, каждый и каждая изъ нихъ поклонится
 и скажетъ народное привѣтствіе: *помогай*
би! т. е. помогай, Боже (*); но когда, — на
 счастье, — повстрѣчаешься съ молодою, (не-
 вѣстою), которая, въ сопровожденіи пою-
 щихъ подругъ своихъ, ходитъ по селу про-
 сить на свадьбу, (что бываетъ обыкновенно

(*) Или *добридетъ*, а въ вечеру: *добри вечеръ*.

въ Субботу, ибо только въ Воскресенье празднуются у насъ свадьбы), то она, кланяясь въ поясъ, проговоришь заученное привѣтствіе можетъ быть со временъ Гетмановъ: полтора Павла, или полтора — кожуха: „*проситъ батько и маты, и я прошу на хлѣбъ, на соль и на оселье.*“ — Сіи условныя въ народѣ, простыя въживости гозорять въ пользу правовъ его (*). Всякая страна имѣетъ обычаи и повѣрья, собственно ей принадлежація. Раземапривающій ихъ въ Малороссіи найдетъ характеры народа, прежде воиственнаго, заслуживающими особеннаго наблюденія; найдетъ въ Малороссіяниинѣ, въ одно и то же время, ирачность и беззаботную веселость, доброту и упрямство, безкорыстіе и неуступчивость въ самой бездѣлицѣ, если дѣло коснется до собственности, почтительность къ епаршему, — строгое сохраненіе приличій и простоту въ обращеніи, молчаливость и словоохотность, простосердечіе и хитрость. Источники всѣхъ такихъ разнообразныхъ качествъ сокрываются въ разныхъ эпохахъ тревожнаго прежде существованія жптелей Малороссіи, то защищавшихъ оное съ оружіемъ въ рукахъ,

---

(*) Увидимъ ниже встрѣчу, описанную Палькомъ въ началѣ первой его Повѣсти.

по несшихъ тяжкое иго, налагаемое на нихъ сильнѣйшимъ. И теперь, по незапамятному обычаю, сабля и изображение Святой Троицы изъ трехъ восковыхъ свѣчъ, связанныхъ вмѣстѣ бѣлымъ убрусомъ, или полотнищемъ, и украшенныхъ вокругъ васильками, вѣчно зеленѣющимъ барвиномъ и другими цвѣтами, составляютъ нѣкій символъ свадебнаго обряда, безъ коего и самая свадьба не была бы вполне торжественною. Сіе соединеніе Святой Троицы съ саблею обыкновенно ставится въ переднемъ углу, въ которомъ сажаютъ за столомъ молодыхъ послѣ вѣнца; — такая эмблема Христіанскаго воина есть вещь истинно священная въ народѣ. — И теперь каждый Малороссійскій казакъ желаетъ, чтобы и по смерти его знали, что онъ родился, жилъ въ семь званіи, и умеръ въ ономъ. — Случалось ли вамъ видѣть, проѣзжая мимо сельскаго кладбища въ Малороссіи, бывшія хоругви на деревянныхъ крестахъ, поставленныхъ на могилахъ покойниковъ? Значки сіи ставятся сестрами, женами, или невѣстами умершихъ казаковъ, какъ послѣдняя дань памяти свободнаго ихъ состоянія, — для различія оныхъ могилъ и крестовъ, подъ которыми покоятся крестьяннѣ, умершіи подданнымъ помещика.

Обычаи сіи принадлежатъ воинственному-

ну духу старшины, а слѣдующій анекдотъ заставитъ подумать, какъ далски пеперешніе жители Малороссіи отъ ссоръ, безъ явныхъ и побудительныхъ причинъ къ онымъ.

Въ 1813 году, въ блокадномъ Корпусѣ подь крѣпостью Замостьемъ, случилось содержать конные пикеты и Полтавскимъ казакамъ, по очереди съ Донскими. Нѣсколько времени прошло безъ всякаго особаго происшествія на форпостахъ, расположенныхъ не близко отъ крѣпости. Служь Полтавцевъ привыкъ къ ошдаленнымъ выпрѣламъ; осажденные не дѣлали вылазокъ, и ничто не нарушало безопасности казаковъ, покуривавшихъ себѣ трубки, лежа пропивъ солнца на курганахъ, занимаемыхъ ихъ ведешами. — Случилось наконецъ, что къ двумъ такимъ передовымъ стражамъ внезапно прискакали изъ крѣпости два непріятельскиххъ, лихихъ всадника. Одинъ изъ казаковъ вскочилъ моментально на коня и пустился, преслѣдуемый непріятельскимъ всадникомъ, къ своему резерву, а другой не успѣлъ взобраться на лошадь, какъ наскочавшій на него усатый лихачъ нанесъ ему три удара саблею прямо въ лицо, отъ коихъ бѣдный козачина повалился на землю. Послѣ сего непріятель ускакалъ, боясь быть отрѣзаннымъ. — Подняли раненаго. Всѣ обступили его кругомъ; посы-

пались вопросы товарищей, какимъ образомъ изувѣчилъ его такъ прокляпый? *Не жалко бы было, опвѣчаешь раненый, если бы то я ссорился или бранился съ бусурманомъ, а то, не давши даже распроситься, началъ меня похосовать; чтобъ ему не было добра, чтобъ его слезы мои побили. За то бы, кажется, изувѣжить чуть-чуть не на смерть!*“ Раны же въ самомъ дѣлѣ были самыя легкія.

Анекдотъ сей я слышалъ отъ самовида, по увѣренію его. Хотя весьма невѣрояпно, чтобы раненый казакъ былъ подобнымъ олухомъ, какими землякъ мой Пашько наполнилъ свою Сорочинскую ярмарку, но и въ самомъ анекдотѣ видна характеристическая черта нашего простолюдина, всегда далекаго отъ ссоры безъ причины, — какъ выше сказано.

Но пора мнѣ приняться за разборъ разсказовъ Рудаго - Пашька. — Да простятъ милостиво читатели испишно невольныя опступленія отъ главнѣйшаго предмета. Кто не заговорится, если дѣло идетъ о любезной родинѣ? Посмотримъ теперь встрѣчу парубка съ провѣзшими.

Молодые парубки у насъ не напиваются до-пьяна; они стараются казаться скромными, опдають должное почтеніе всякому спаршему лѣшамн; вся гульба ихъ состоитъ въ

вечернихъ пѣсняхъ и прогулкахъ по селу: лѣтомъ, отъ одной группы дѣвушекъ, собирающихся на вечера (вечерницы) подъ открытымъ небомъ, къ другой; а зимою отъ одной пѣбы до другой, куда дѣвушки собираются, какъ говорится по нашему, *на доситки*, т. е. чтобы зимній вечеръ провесити вмѣстѣ и повеселиться съ парубками, а вставши до свѣта пряснь, и за гребнемъ, можетъ спать-ся, думать о суженомъ. — При такихъ условіяхъ въ поведеніи парубковъ нашихъ, спачное ли дѣло, чтобы какой нибудь изъ нихъ, порядочно одѣтый, имѣющій, какъ видно изъ словъ самого Панька, хозяйство, (стр. 10); готовый пожертвовать имъ за поцѣлуй приглавленной ему дѣвушки, — ни за что, ни про что, видя первый разъ въ жизни пожилую женщину, сидящую съ прекрасною дѣвушкою на возу, тотчасъ привѣтствовалъ первую бранью: „А вотъ впе-„реди и дьяволъ сидитъ!“ — Съ чѣмъ это сообразно? И могло ли такое привѣтствіе поднятъ со всѣхъ сторонъ хохотъ? После сего, невинно обруганная начала бранить негодая, — и по дѣломъ, — въ такихъ выраженіяхъ, какія Русскому Паньку вошли только въ голову; обоюдныя ругательства лишь обильною рѣкою, въ заключеніе конхъ разгульной парубокъ пустили комъ грязи въ

голову напрасно обпженной пмъ, забрызгалъ ей очипокъ, — и будто бы сіе буйство удвоило хохотъ.

Не знаю, чему туть можно смѣяться, и что туть оспроумнаго. Такъ безчинствуютъ одни лишь горькіе пьяницы, а парубки у насъ, какъ я выше замѣтилъ, не паиваются до-пьяна. *Такого гульвиса гролада (*)* заразъ бы отдала въ солдаты, безъ очереди. — *О! гролада* (какъ говорится у насъ) — великій человекъ!

Сію минуту принесла мнѣ No 94 Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду. *Письмо къ Издателю оныхъ, о Вечерахъ на хуторъ близъ Диканьки, о критикѣ нашихъ Г. Полеваго и о прочемъ*, — однимъ заглавіемъ снмъ произвело на меня самое непріятное впечатлѣніе. — И такъ я напрасно просидѣлъ цѣлый день, излагая мысли мои по прочтеніи, не весьма повеселившихъ меня Вечеровъ на хуторъ близъ Диканьки! Напрасно затруднилъ себя разборомъ 1-й главы *Сорогинской ярмарки!* — Вѣрно какой нибудь извѣстнѣйшій Литераторъ написалъ полную рецензію *Повѣстямъ Пасичника Рудаго Паиька*, послѣ чего куда уже простому Малорос-

---

(*) Общественное собраніе поселянъ, мірская сходка.

сіянигу съ его мыслями? — Но прочитавши означенное письмо, успокоился. — Въ письмѣ семь нѣтъ ни какой рецензій. — Оно наполнено обилковенными привѣтствіями Императорныхъ Прибавленій Издастелю Московскаго Телеграфа. — Это *пересмысликъ*, *пошорый* веселитъ небольшой кружокъ своихъ читателей; старая пѣсня, и на старый ладъ! Нечего мнѣ останавливаться. Посмотримъ II-ю главу *Сорогинской ярмарки*.

Эпиграфъ написанъ по-нашему, по-Малороссійски; но всѣ мы, обращаясь къ Господу Богу, говоримъ: Боже Господи! а не Господе! — Видно, Панько употребилъ, вмѣсто *и*, *е*, по нарѣчію своего хутора.

Панько начинаетъ II-ю главу такъ: „Вамъ „вѣрно случалось слышать *едль-то* *валяційся* „*отдаленный водопадъ*,” — попомъ говоритъ, что на ярмаркѣ народъ *сростается*, *гоголетъ*, *гремитъ*! Выраженія сіи ни Русскія, ни Малороссійскія. Ярмарка же описывается имъ живо. Напримеръ: (стр. 14.) „*Ломается возъ*, „*звенитъ железо*; *гремятъ сбрасываемыя на* „*землю доски*, и *закружившаяся голова недо-* „*умѣваетъ*, *куда обратитесь*.” Прекрасно! Но пьяный *Жидъ*, *дающій библь* *какого-то киселя*, лице и дѣйствіе неправдоподобныя — и на ярмаркѣ. Въ главѣ сей, извѣстный уже намъ, слишкомъ разгульной парубокъ, герой

Повѣсти, видѣтся съ извѣстною же намъ дѣвушкою — съ черными бровями, равными дугами, поднявшимися надъ светлыми карими глазами, и только.

Въ III-й главѣ Панько рассказываетъ, какъ будто по-нашему; появившаяся красная свитка — забавна; но его солоній Черевикъ, еще невѣролпнѣйшій олухъ раненаго казака, о коемъ слышанный анекдотъ помѣщенъ мною выше, а дочка Черевикова какая-то оглашенная! Первый разъ отъ роду на ярмаркѣ, — первый разъ въ жизни видимъ разгульнаго парубка, который пустилъ комомъ грязи въ мячпху, сидѣвшую съ нею на возу, и тотчасъ обнимается съ нпмъ.

Воля швол, земляче Паньку, а у насъ всякая молоденькая дѣвушка пмѣетъ стыдъ и страхъ Божій, и подобный поступокъ невѣроятепъ! А еще невѣроятнѣе, чтобы парубокъ, какой бы онъ ни былъ гульвисъ, встрѣтившись въ первый разъ въ жизни съ пожилымъ человекомъ, не зная даже, откуда онъ, кинувши прежде грязью въ жену, началъ, въ слѣдъ за тѣмъ среди ярмарки, сватать дочь его прямо своею особою, и чтобы человекъ сей (хотя бы и олухъ солоній Черевикъ) тотчасъ согласился принять его въ свое семейство. — Нѣтъ, это не ладно, ей, ей не ладно! Притомъ, самъ скажи: вѣдано ли у насъ, чтобы шесть

съ нареченнымъ зятемъ зашивали руку на руку (сватовство) *могорытъ*, какъ говоришь ты, и чтобы первый въ священномъ санѣ опца, видя: „какъ нареченный зять его напль „кружку, величиною въ полкварты, и ни мало „не поморщившись выпилъ ее до дна,“ — спалъ говоришь своей дочери, въ похвалу жениху ея: „что скажешь, Параска? какого „я тебѣ жениха досталъ! — смотри, смотри: „какъ онъ молодецки пьетъ пѣннуху!“

Не знаю, откуда вся эта по нашему *нисенитница*, т. е. ни се, ни то, Паньку на умъ впала! У насъ сватовство происходить заведеннымъ издревле порядкомъ, и порядкомъ торжественнымъ. Родшпели, намѣревающіеся женить парубка, пмѣя на примѣтъ для него невѣсту по ихъ мыслямъ, избираютъ двухъ почтлвыхъ мужчинъ, почетнѣйшихъ въ родствѣ своемъ, слѣдовательно и въ селѣ, (ибо едва ли не всѣ жители каждаго селенія считаются роднею, разумѣя кумовство, сватовство и проч.) и упрощиваютъ, чтобы они приняли на себя трудъ высватать невѣсту за сына ихъ. — Тогда избранные, называемые *старостами*, идутъ съ хлѣбомъ и солью къ родшпелямъ первой, дѣлаютъ предложеніе, въ выраженіяхъ общихъ, и когда оное бываетъ принято благосклонно, старосты перевязываются черезъ плечо ручниками (положен-

цами), приготовляемыми для того невѣстою; и чрезъ нѣкоторое время женихъ, а потомъ родители обѣихъ сторонъ, посѣщая другъ друга, и считаясь уже сватами, условливаются на счетъ свадьбы. Ни какой парубокъ у насъ самъ собою не сватаешся, хотя бы онъ былъ и круглымъ сиротою, а всякой избираетъ и посылаетъ старостъ; принимающіе же на себя сію обязанность, играютъ весьма важную роль и на свадьбѣ. Они наблюдаютъ за неупустительнымъ исполненіемъ всего свадебнаго церемоніала, ими начинаются пошты, по ихъ распоряженію играетъ музыка, т. е. скрипка или двѣ, а иногда и съ цимбалами или басомъ, и по мѣрѣ ихъ зашѣливости всѣ пируютъ и веселятся.

О! сватовство у насъ, свадьбы, *грище* (или танцевальныя деревенскія собранія, для коихъ на Рождество Христово парубки дѣлаютъ складчину, выбираютъ изъ себя Апамановъ и Эсауловъ, нанимаютъ музыку на цѣлую недѣлю, а дѣвушки сносятъ все имъ *заколядованное*) и другія народныя увеселенія заключають въ себѣ много интересной сарни! — По любви къ родинѣ, мнѣ бы хотѣлось все это описать; но сташа сія была бы весьма велика, и для многихъ, не Малороссіянъ, не занимательна; а потому и откладываю описаніе народныхъ празднествъ до

другаго времени. О колядѣ же счишаю нужнымъ сдѣлать маленькое поясненіе:

У насъ, въ Малороссіи, въ вечеру на первый день праздника Рождества Христова, по незапамятному обычаю, въ селахъ, мальчишки, дѣвочки, дѣвки, парубки и наконецъ женщины и пожилые мужчины, сославляя партіи по возрастамъ и полу, ходятъ отъ одной хаты до другой по всему селу, поютъ куплеты, придуманные, можетъ быть, еще во времена язычества, что и носятъ на себѣ древнее наименованіе *коляды*. За таковое пѣніе каждая партія получаетъ отъ хозяевъ хаты, по возможности послѣднихъ: колбасы, сало, кныши или боханцы (родъ хлѣбовъ пшеничныхъ и грѣчевыхъ), иногда по нѣскольку грошей, а нѣкоторые изъ зажиточнѣйшихъ хозяевъ подчиваютъ женщинъ и пожилыхъ мужчинъ и горѣлкою. Все, такимъ образомъ заколдованное дѣвушками, какъ я выше сказалъ, сносится ими въ ту хату, въ которой учреждается *грище*, и послѣ танцевъ употребляется для закусокъ собранія.

Винюванъ, опять я заговорился. — Эти родные обычаи и старина прошивъ воли лѣзутъ въ голову; но и *Сорогинская ярмарка* не выходитъ изъ оной.

Въ эпиграфѣ IV главы сей Повѣсти есть также промахъ. Славный Поэтъ Малороссіи,

Г. Копляревскій, конечно не написалъ въ своей
Энеидѣ :

Хоть *головиками* не онее, да коли жинци
бачишь тее, — а вѣрно написано имъ :

Хоть *чоловикъ* и не онее, — но въ этомъ
можетъ быть и не Панько виноватъ; а вопъ
пшеслѣдующее его работы :

„Ну, жинка!“ — началъ Черевикъ, — „а я
„нашелъ жениха дочкѣ!“

„Вопъ какъ разъ до того теперь,“ оп-
вѣчаетъ Хивря : „чпобы жениховъ опыскп-
„вать. Дурень, дурень!“ (Стр. 24) И дѣльно,
я по же скажу. На ярмаркѣ добрые люди
что нибудь продають или покупають, а не
пщупъ жениховъ межъ народомъ, Богъ-знаеть,
откуда наѣхавшимъ! Не диво попасть на ка-
кого нибудь сорванца, какъ случилось и съ
Черевикомъ. — Похвала пѣрубку, который
духомъ выплнулъ полкварты, не поморщив-
шись, и припомъ тому самому, который
заклеилъ образину (стр. 36) Хиври, — по всей
справедливости озлила сію послѣднюю. Она,
право, мало еще бранила такого глупца, какъ
ея Черевикъ; но выраженіе ея : „куда же ты
„запраталъ дурацкіе глаза свои,“ (стр. 25) —
опять ни Русское, ни Малороссійское.

Въ V-й главѣ продолжается живое опи-
савіе ярмарки, и Цыганъ нарисованъ яркими
красками; но какъ онъ, коему „одна полько

„награда есть на землѣ виступца“ (стр. 31), бродяга скитающійся по всей Россіи; но и не имѣетъ мѣста въ картинѣ, представляющей народный бытъ честныхъ и богобоязливыхъ коренныхъ жителей Малороссіи.

Цыганы, шатаясь по бѣлу-свѣту, гадаютъ, лгутъ и обманываютъ легковѣрныхъ; но какимъ образомъ этотъ висельникъ узналъ настояще, что парубокъ въ бѣлой свиткѣ, косяго зовутъ, какъ намъ сдѣлалось наконецъ извѣстно, Грицькомъ, навязалъ себѣ невѣсту (стр. 29) — нуть необходима развязка.

Свиданіе въ VI главѣ Хиври съ новымъ лицомъ, поповичемъ: какъ, для кого? Въ описаніи же онаго Панько не мудритъ, — и лучше.

Въ VII-й главѣ опять показалась страшная уже красная свитка. „Это быстро разнеслось по всемъ угламъ уткнувшаго табора.“ Ярмарку таборомъ у насъ никто не называетъ. Таборъ у насъ издревле лагерь; никто также не говоритъ: *продавица бубликь* (стр. 38), а всякой Малороссіянинецъ, или Русскій скажетъ: *продавица бубликовъ*; следовательно и это ни по-Русски, ни по-Малороссійски. За то хвастовство кума (стр. 41), „что сатана? плюйте ему на голову!“, хотя бы сію же ипнуну вздумалось ему „стать вошь здѣсь, напримѣръ, предо мною:

„будь я собачій сынъ, если не поднесь бы „ему дулю подъ самый носъ!“ — выражено истинно по-нашему; и рассказъ его о красной свиткѣ — вообще интересенъ. Жаль только, что я читалъ когда-то подобный анекдотъ о духѣ въ скляночкѣ, въ собраніи сказокъ подъ пышнымъ заглавіемъ книги: *Вѣкъ рыцарства*.

Въ VIII-й главѣ, поповичъ, любовникъ Хиври, спрятавшійся между плащемъ, развѣшаннымъ на доскахъ, подъ посылкомъ кумовой хаты, падаетъ въ то самое время, когда общество напугано уже было свиною рожей, выпавившейся въ разбитое окно, и страхъ усугубляется. Это натурально, хотя и не ново. „Но ползущаго челоуѣка въ судоргахъ, подъ подолъ своей супруги,“ (стр. 51) — досель еще никто не представлялъ въ печатной Русской книгѣ, и такая новость не всякому можетъ нравиться.

Въ IX-й главѣ: „баба влѣзла на челоуѣка (стр. 54),“ — то былъ Солопій Черевикъ и его Хивря, выбѣжавшіе изъ кумовой хаты, при общемъ испугѣ, и конхъ Цыганы нашли ночью на улицѣ въ такомъ положеніи. Въ X-й, — разбуженный женою Черевикъ хотѣлъ умыться, первая подала ему ручникъ; но вмѣсто онаго очутился *красный*

обшлагъ ситки. Въ слѣдъ за снѣмъ, Черевкѣ началъ было продавать вышеописанному Цыгану свою кобылу, которая вдругъ исчезла у него изъ рукъ; осталась одна только узда, и привязанный къ оной кусокъ *краснаго рукава!* Такія неимоверныя чудеса заставили его снова бѣжать, куда глаза глядятъ. Въ XI-й главѣ ловятъ Солопія Черевика сговорившіеся парубки, коими предводительствуютъ извѣстный намъ Грицько; вяжутъ его какъ вора, вмѣстѣ съ кумомъ, неизвѣстно для чего, также ими пойманнымъ, а въ XII-й, Грицько ихъ освобождаетъ съ условіемъ, чтобы Солопій отдалъ за него дочь свою, на что сей соглашается, и съ тѣмъ еще, чтобы въ тотъ же день была свадьба. Главу сію заключаетъ упомянутый Цыганъ, говоря: „что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло?“ — Какимъ образомъ узналъ Цыганъ, какъ мною выше замѣчено, о неудачномъ сватовствѣ Грицька? Кто перепугалъ бесѣдовавшихъ въ хатѣ у кума, выпавъ, въ разбитое кѣмъ-то окно, свиную рожу? — Какимъ чудомъ, среди бѣлаго дня, у Черевка, не спящаго, вдругъ исчезла изъ рукъ кобыла, и осталась въ нихъ одна только уздечка, съ привязаннымъ къ оной кускомъ краснаго сукна? или вмѣсто ручника очутился красный обшлагъ? Земляку моему Паньку не угодно было объяс-

нишь всего этого, и вмѣсто развязки споль-
 кимъ чудесамъ, онъ предоставилъ намъ, какъ
 кажется, догадываться, что всѣ сіи фокусы
 продѣланы Цыганомъ. — Такъ вотъ для чего
 онъ замѣшалъ его между Малороссіянами! На-
 мѣреніе ладно; но мало ли кто что думаетъ,
 и не выполняетъ! Въ XIII-й главѣ, дочь Че-
 ревикова грустно мечтаетъ о своемъ лю-
 безномъ парубкѣ; вдругъ вздумалось ей тан-
 цовать и пѣть одной въ ханѣ; въ то самое
 время входящій отецъ, глядящій на дочь, „слы-
 „шитъ знакомые звуки пѣсни, жилки въ немъ
 „зашевелились, гордо подбоченившись высту-
 „пилъ онъ впередъ, и пустился въ присяд-
 „ку.“ (стр. 72) *Цурь, дурню!* сказалъ бы ему
 всякой, но кумъ его ограничился однимъ хо-
 хотомъ. — Эдакихъ олуховъ Паньку дове-
 лось знать между степенными поселянами
 нашими! Гдѣ видано, гдѣ слыхано, чинобы
 батько пошелъ у насъ въ присядку передъ
 дочкою? Да сколько же лѣтъ Солопію Черев-
 вичу, выдающему дочь замужъ? Конечно
 больше сорока; ибо у насъ не слишкомъ рано
 женятся, а подъ пятьдесятъ присѣсть мож-
 но, — ни слова, да каково-то вспанещь?
 Другое дѣло ударить *тропака* подъ пьяную
 руку, а въ присядку пусть парубки пля-
 шутъ!

Дурсень Черевикъ присядкою началъ сва-

дебный пиръ, ибо въ слѣдъ за тѣмъ: „Отъ
„одного удара смичкомъ музыканта въ сер-
„мяной свиткъ, все исслось, — все танцо-
„вало“ (стр. 74).

И такъ свадьба зашѣялась и совершилась на ярмаркѣ. Это даже неправдоподобно! Возможно ли, чтобы поселяне Малороссіи, строго наблюдающіе обычаи, освященные временемъ, такой торжественный обрядъ, какъ свадьба, спали праздновать среди ярмарки, пріѣхавши на оную для продажи пшеницы и кобылы? Развѣ Солопій и Хивря Цыганы, неимѣющіе своей собственной хаты? Развѣ у нихъ и у дочки нѣтъ ни роду, ни племени? Развѣ всѣ они и женихъ не Христіане православные, а дѣйствительно Цыганы невѣрные, безпріютные? Нѣтъ, брате Паньку! первая Повѣсть швоя, подъ заглавіемъ *Сорочинская ярмарка*, не доведена до ладу, хотя и есть въ оной мѣста хорошія. Посмотримъ слѣдующую: *Вечеръ на канунъ Ивана Купала*.

Эта Повѣсть, по правдѣ сказать, рассказана такъ, хоть бы и не Пасичнику Рудому Паньку. Слогъ ровный, нѣтъ ничего высокопарнаго, планъ Авипора выполненъ. Словомъ сказать, Повѣсть сія вообще прекрасна. Хотѣлось было уже приняться за другую; да чтобы не подумали, что я только пробѣ-жалъ *Вечеръ на канунъ Ивана Купала*, подо-

бно многимъ рецензентамъ журнальнымъ, — касаюсь, прошву желанія моего, къ нѣкоторымъ пестрѣющимъ мѣстамъ гладкой Повѣсти. Въ самомъ лучшемъ цвѣтникѣ, при всемъ попеченіи объ ономъ, проскакиваюшъ иногда стебельки бурьяну, которые тотчасъ и выдергиваются.

На страницѣ 86, Панько говоритъ: *проводитъ попа въ рѣшетъ, значитъ по-нашему солгать на исповѣди.* Нѣтъ! У насъ спращаютъ предъ исповѣдью, разумѣется, дѣтей тѣмъ, что за грѣхи попъ наложилъ покуту (эпипимію) возниъ себя въ рѣшетъ вокругъ церкви; но что было поводомъ такой выдумки въ народѣ, я не могъ добиться толку. На стр. 96 сказано, будто бы понамарь каждый день отпрапляется съ кошелькомъ по церкви. Всякому извѣстно, что въ деревенскихъ церквахъ не каждый день бываетъ служеніе. (На стр. 107): — „Вѣдьма топнула ногою: спнее пламя выхватилося изъ земли; середина ея все освѣщлася.“ Здѣсь должна быть опечатка, или опечатка. А вотъ тутъ (стр. 109) выходитъ что то, совсѣмъ уже не гладко. Только что *Петрусь*, проснувшись отъ двухъ-дневнаго сна, послѣ ужасной для него ночи, въ которую онъ пролилъ кровь невиннаго младенца, увидѣвъ у ногъ своихъ мѣшки съ золотомъ, въ ту са-

ную минушу откуда ни взялся Коржъ, (слишкомъ невѣжливо проводившій его изъ сѣней отъ своей дочери, когда онъ не имѣлъ ничего кромѣ сѣрой свитки), и развѣдился передъ нимъ. Какимъ образомъ, мгновенно, можно сказать, узналъ Коржъ, что Петрусь вдругъ такъ разбогатѣлъ? Откуда взялась также внезапно Пидорка, дочь Коржа, и невеста Петруся? „Дивно только показалось „Пидоркѣ,“ говорила Панько: „когда стала „разсказывать, какъ проходившіе мимо Цыганы украли Ивася,“ брата ея. Кому спало дивно: ей ли, или кому другому? — не угадаешь. Не менѣе загадочно равнодушіе Коржа, лишившагося любезнаго сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ нѣжно заботящагося о прогнанномъ имъ Петрусѣ, осмѣлившемся въ бѣдности цѣловать дочь его. Обстоятельства сіи требуютъ поясненія.

Преданіе себѣ Петрусемъ во власть сатаны за золото, и убійство, совершенное имъ, — обратившись въ сей Повѣсти; но описаніе такихъ ужасовъ теперь въ ходу. — Фаустъ Гёте, Двѣнадцатъ спящихъ дѣвъ, Жуковскаго, и еще нѣкоторыя Повѣсти и Баллады, взбѣленили многихъ; и слабымъ подражаніямъ нѣсть конца, по пословицѣ: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней! Сюда однако же нейдетъ Вечеръ на канунъ

Ивана Купалы. — Пусть подобныя вечера только пишуся; за читателями у насъ теперь дѣло не станеть.

Третья Повѣсть, подъ заглавиемъ: *Майская ночь, или Утопленница.*

Въ этой сказкѣ Панько опять началъ, выражался его же словомъ, изъ эпиграфа къ сей Повѣсти, *мудроватыца.*

„Было то время,“ говоритъ онъ: „когда „утомленные дневными трудами и заботами, „парубки и дѣвушки шумно собирались въ „кружокъ, въ блескъ чистаго вечера, вы- „ливать свое вселѣе въ звуки.“ — Выли- вать веселѣе въ звуки, выраженіе совершенно новое, и, какъ мнѣ кажется, не весьма счастли- вое. — „Съ бандурою въ рукахъ пробрался „ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой „казакъ Левко.“ — Вотъ я и подумалъ: вѣрно это какой-нибудь бандуристъ; но дочитавши до точки, и узнавши, что то былъ „сынъ Головы“ (стр. 119 и 130), — не могу не спросить Панька, гдѣ онъ видѣлъ своего вир- туоза. У насъ играютъ на бандурѣ или слѣ- ные, или казачки, выученные на семь инстру- ментъ, для утѣхи праздныхъ паньчей и па- новъ. — Другое дѣло на балалайкѣ; на оной и у насъ бречашъ много парубки, — а что- бы сынъ почетнаго казака и припомъ Го- ловѣ, управляющаго волостью, изъ нѣсколь-

кихъ тысячъ душъ состоящую, — ходилъ съ бандурой по улицамъ, — это не похоже на дѣло. — Но и то правда: что село, то и обычай! Можетъ бышь, и въ самомъ дѣлѣ на хуторѣ, гдѣ живешь Панько, есть молодой казакъ, играющій на бандурѣ. Подошедши къ хатѣ своей любезной, Левко восклицаетъ: „Галю, Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ быть, показать бѣлое личико на холодъ!“ — Изъ предъидущаго всякой видить, что сие происходитъ въ лѣтній вечеръ, „когда свѣтитъ теплое Украинское небо,“ какъ сказано въ послѣдствіи, — о какомъ же холодѣ Левко толкуетъ? „Я прикрою тебя свиткою,“ продолжаетъ онъ: „обмотаю своимъ поясомъ... Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу, опогрю поцѣлуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. — Сердце мое, рыбка моя, ожерелье!“ — Экія нежности влагаешь Панько въ уста сельскаго любовника, и въ выраженіяхъ, при томъ, ни Русскихъ, ни Малороссійскихъ, а пуще всего, *ожерелье* поспавишь хоть какого Левка въ шупикъ.

Но вотъ вышла къ Левку и Галя; „обвистая сумерками, и потопивъ въ него свои очи“ (стр. 132 и 733), говоритъ ему, *Бѣда*

прочимъ: „я тебя люблю, чернобровый ка-
 „закъ! за то люблю, что у тебя карія очы..
 „что привѣтливо моргаешь ны чернымъ
 „усомъ своимъ; что ны идешь по улицѣ,
 „поешь и играешь на бандурѣ и любо слу-
 „шашь тебѣ“ (стр. 134). Чѣобы наша по-
 селянка, хотя бы она была *обвитал и сумер-*
калы, пзъясняла любовь свою въ подобныхъ
 выраженіяхъ, сего никто не докажетъ — ссы-
 лаюсь на всѣхъ земляковъ моихъ! Нѣтъ! вы-
 раженія сіи конечно взяты пзъ пѣсни, дѣвушка
 же наша отвѣчала бы вмѣсто всякаго
 многословія, — просто: *Левусю, серденько, и*
я люблю тебя! — Вотъ языкъ сердца! А
 чѣобы сынъ сказалъ про отца роднаго:
 „притворился снарый хрѣвъ“ (стр. 135),
 этого быть не можетъ.

Левко и Галя, любовники, какъ мы ви-
 димъ, пзъяснивши не по-нашему взаимныя
 чувствованія, пустились въ разговоры: о
 звѣздочкахъ, о высотѣ небесной, о деревѣ и
 о лѣстницѣ, по которымъ Богъ сходитъ на
 грѣшную землю нашу, и наконецъ Галя, для
 лучше сказаць, Пасичникъ Рудый - Панько,
 виныйствуешь за нее: „какъ тихо колышетъ-
 „ся вода, будто дытя въ люлькѣ, и указывал
 „на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ
 „кленовымъ лѣсомъ, и оплакиваемый вербами,
 „попощившимъ въ немъ жалобныя свои вѣш-

„ви. Какъ безсильный старецъ, держалъ онъ
 „въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое,
 „темное небо, обсыпая ледяными поцѣлуями
 „огненные звѣзды, которыя тускло рѣли
 „среди теплаго океана ночнаго воздуха, какъ
 „бы предчувствуя скорое появленіе блиста-
 „тельнаго царя ночи.“ (стр. 137). — Кого
 Панько уподобляетъ безсильному старцу?
 Ей ей! не скоро догадаешься! Да и вся сія
 высоконариность напаянута. Холодные объ-
 ятія, ледяные поцѣлун, и вмѣстѣ съ тѣмъ
 теплый океанъ ночнаго воздуха, рѣліе звѣздъ
 и проч. — мудрено, витіевато! Эно ли
 языкъ проспешькой поселяночки Гали?

Но вотъ, по просьбѣ ея, Левко началъ
 сказку, заключающуюся въ повѣсти объ нихъ,
 (т. е. объ Левкѣ и Галѣ), которая оканчи-
 вается также сказочно. — „Ну, слушай“ гово-
 ритъ Левко.... „У сонника была дочка, лсная
 „панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое ли-
 „чико. Сонникова жена давно уже умерла;
 „задумалъ сонникъ жениться на другой. Бу-
 „дешь ли ты меня вѣлить по старому,
 „батьку, когда возьмешь другую жену? Буау,
 „моя дочка.“ (Стр. 139). — Миѣ кажется,
 не лишнее было бы шуть вписать послѣ
 вопроса, что оный сдѣланъ дочкою сонника;
 но Панько любитъ оставлять многое на до-
 гадку читателя.

Сказку, рассказываемую Левкомъ по нашему, просто и занимательно, прервала *ватага парубковъ*, изъ коихъ каждый поцѣловалъ Гаю, и она скрылась въ хапу. — Сцена сія списана съ натуры; въ этомъ надобно отдать полную справедливость Паньку. Далѣе, Украинская ночь изображена имъ также прекрасно, исключая повтореній: „Боже-„ственная ночь! очаровательная ночь!“ кои пестрятъ слогъ безъ всякой надобности; „а „величественный *гролъ* Украинскаго соловья,“ — нарушаетъ общую пріятную дремоту: лучше, ежели бы онъ пѣлъ, какъ поютъ всѣ соловьи на свѣтѣ.

Разговоръ съ самимъ собою пьянаго Каленка и путешествіе его по селу, разсмѣшатъ хоть кого. — Признаюсь, я хохоталъ отъ души, и воображалъ себя средѣ любезной Малороссіи: такъ живо, такъ натурально изображенъ Панькомъ Каленикъ, танцующій гопака не въ попадь, и браящій, между тѣмъ, Голову. „Я самъ себѣ голова. Вотъ, „убей меня Богъ! Богъ меня убей! Я самъ „себѣ голова. Вотъ что, а не то что . . .“ Безподобно! кажется, какъ будто самъ, увлеченный любопытствомъ, слѣдуешь за Каленикомъ, и глядишь, какъ онъ, „подходя къ „первой, попавшейся ему хапѣ, въ пьяномъ „раздумьѣ, остановился передъ окошкомъ, и

„скользя пальцами по стеклу, стараешься
 „найди деревянную ручку двери; кажется,
 „слышишь крикъ его: баба, отвори! Баба
 „живѣй, говорятъ тебѣ, отвори! казаку
 „спать пора.“ (Стр. 148 и 149.)

Но въ описаніи Головы, хотя и есть
 черты характеризующія лице сіе, но есть
 и несообразности. Воспоминагіе Головы при
 всякомъ случаѣ, „когда блаженной памяти
 „Великая Царица Екатерина ѣздила въ
 „Крымъ; когда онъ былъ выбранъ въ прово-
 „жатые; цѣлые два дня находился въ этой
 „должности, и даже удостоился сидѣть на
 „козлахъ съ Царыцынымъ кучеромъ,“ — при-
 принадлежитъ не ему одному, а всему народу.
 Какъ часто мнѣ самому случалось слышать
 отъ современниковъ сего торжественнаго
 путешествія незабвенной Монархини, сыпав-
 шей благодѣтельною десницею милости и
 благотворенія на любезный ей народъ свой!
 Какъ часто я видѣлъ слезы умиленія и благо-
 дарности, блиставшія сквозь убѣленные вре-
 менемъ рѣсницы признательнаго поселенна!
 Но обратимся къ Головѣ. „О, это важное ли-
 „це на селѣ!“ — говоритъ Панько.

Не въ одномъ селѣ, а въ цѣлой волости,
 должно бы сказать.

„Кто бы изъ парубковъ, продолжаетъ
 онъ: „не захотѣлъ быть Головой?“ (стр. 150.)

— Это все то же, что сказать: кто бы из канцеляристов Повѣтоваго Суда не захотѣлъ быть Губернскимъ Маршаломъ? или кто бы изъ Писателей-Романистовъ нашихъ не захотѣлъ содѣлаться вдругъ знаменитымъ Вальтеръ-Скоттомъ? Волостныя Головы избираются въ Малороссіи изъ казачьяго званія, люди самые почетнѣйшіе, пріобрѣвшіе довѣріе лѣтми и опытностію, въ каковомъ избраніи парубки, т. е. молодые неженатые люди, даже и голоса не имѣютъ. Откуда же родится мысль въ головѣ парубка быть Головою? а о томъ, что будетъ подъ старость, конечно ни одинъ изъ нихъ въ простомъ земледѣльческомъ быту своемъ такъ далеко не мечтаетъ.

О! Голова у насъ дѣйствительно лице весьма важное между поселянами. Онъ ближайшій ихъ начальникъ, покровитель, и любимый въ волостяхъ Головы, по истинѣ, могутъ гордиться своимъ званіемъ, что и въ которые себя и позволяютъ, чувствуя собственное достоинство.

Мнѣ рассказывалъ одинъ изъ современниковъ путешесствія Великой Екатерины по южнымъ провинціямъ, слѣдующій анекдотъ, увѣряя въ истинѣ онаго:

Назначенный Губернаторъ, проѣзжая мѣстечко Рѣшетилровку въ дождливое время,

принужденъ былъ сойти съ экипажа, увязшаго въ грязь по самыя ступицы, и шель пѣшкомъ, разумѣется, не въ веселомъ расположеніи духа. На встрѣчу ему попадаетъ человѣкъ высокаго роста, съ длинными, съдыми усами, въ синей киреѣ, съ видлагою (*), подбитою алымъ сукномъ, лѣ высокой сввой шапкѣ изъ Крымскихъ барашковъ, наклоненной на лѣвую сторону, и съ длинною камышевою палкою съ большимъ серебрянымъ набалдачникомъ. Губернаторъ остановилъ важно шествующаго по грязи и глядящаго въ верхъ Малороссіянина, началъ бранить дорогу, сердиться на безпорядокъ въ мѣстечкѣ; досталось тутъ и Комиссару, несправившему мостковъ и гатей для проѣзда Его Превосходительства, и наконецъ грозно спросилъ встрѣтившагося съ нимъ и стоявшаго передъ нимъ въ шапкѣ, равнодушнаго слушателя брани: „Да ты что, десятской что-ли?“ — „Подымай выше!“ возразилъ казакъ съ досаднымъ хладнокровіемъ, не допрогиваясь до высокой своей сввой шапки, и опершись подбородкомъ на серебряный набалдачникъ спросилъ. — „Ну, выборный? говори же!“ продолжаетъ Губернаторъ. — „Подымай еще вы-

---

(*) Кирея родъ широкаго чекменя, а видлага родъ капшона.

ше, если хочешь!“ повторяетъ казакъ, съ тѣмъ же непоколебимымъ хладнокровіемъ. — Да кой-же ты чортъ,“ сказалъ наконецъ еще болѣе разсерженный Губернаторъ: „Голова, что-ли?“ — Послѣ сего казакъ, поправивъ усы, скинулъ шапку, поклонился въ знакъ согласія, примолвивъ: „такъ, по выбору честной громады!“ и помолчавши нѣсколько, спросилъ въ свою очередь: „а вы, пане, кто?“ — „Ты видишь!“ — Вижу,“ прервалъ Голова: „что панъ; да у насъ есть множество пановъ, да еще и сердитыхъ!“ и снова надѣлъ шапку, и надвинулъ ее къ самымъ сѣдымъ бровямъ своимъ. „Я Губернаторъ! — слышишь-ли?“ Услышавъ сіе, Голова ни сколько не смѣшался; опять скинулъ почтительно шапку, поклонился въ полъ по обычаю, и послѣ обыкновеннаго привѣтствія, сказалъ Губернатору: „Давно бы такъ сказали, добродію! а то вы гнѣвались, — а мнѣ и не въ догадъ, что вы новый начальникъ; старый нашъ Губернаторъ, поздоровъ его Боже! всегда былъ такой милостивый ко мнѣ старому; проѣзжая Рышетилловку, всегда бывало опдыхалъ въ моей смиренной хатѣ, кушалъ борщъ и кашу, изгомовленные моею невѣсткою; да благословитъ его Господь милосердый на всякомъ мѣстѣ, гдѣ онъ ни обрѣтается! То-то былъ панъ добрый! Разъ, проѣзжая мѣстечко наше

въ самую грязь, такъ же какъ и ваша милость, карета, знаете, тяжела, лошади спали, — ни съ мѣста, онъ, милостивецъ нашъ, пришелъ ко мнѣ весь въ поту, тащившись болѣе версты пѣшкомъ по грязи; пока я успѣлъ надѣнь жупанъ, э онъ уже — потребовавъ воды, умылся, и встрѣтилъ меня съ обычною своею ласковостію. Ну, говоритъ, Кирило, что у васъ за грязь такаа? Нельзя ли какъ нибудь подгапнуть дорогу? — Не можно, добродію! отвѣчалъ я; мѣстечко, знаете, сидитъ на болотѣ; сегодня подгапнѣмъ, а завтра опять будетъ такая же грязь, только еще гуще, такъ, что парю добрыхъ чумацкихъ воловъ и порожняго воза не вытянешь. — Вели же скорѣе послашь пары двѣ воловъ къ моей каретѣ. Да мы, добродію, карету вашей милости на себѣ вытщимъ! Тутъ я заразъ раздѣлся, чтобы способнѣе было и самому похлопанься въ грязи, кинулся за людьми, — глядь, — а карету народъ почти на рукахъ тащитъ. Услыхали, извольте видѣть, что добрый нашъ Губернаторъ загрузъ, такъ и безъ зову кинулися и старый и малый. Мы, знаете, люди простые; для такихъ пановъ, которые насъ жалуютъ, ради и въ огонь и въ воду. — Старый Губернаторъ, принявъ межъ толпою свою карету, позвалъ народъ къ моей хатѣ,

приказалъ было принесть ведра два горѣлки, и я наслыу улросилъ его позволитъ мнѣ поподчивать добрыхъ людей, да и самому выпить на здоровье его милости. При семъ случаѣ гуляли мы, прошу покорнѣйше простить, отъ обѣдней поры до самаго вечера.“ — Тупъ новый Губернаторъ, человекъ умный, остановилъ Кирила, снялъ шляпу, и просилъ, чтобы и его полюбил икакъ, какъ предметника его. — Имѣй уши слышати да слышати! Могій вмѣстити, да вмѣстити! пресокупилъ къ сему разскащикъ съ двусмысленною улыбкою.

Изъ анекдота сего можно сдѣлать заключеніе о волосатыхъ Головахъ нашихъ, и о томъ, какъ они о себѣ думаютъ. Посмотри же теперь опять Голову, представляемаго Панькомъ.

Сынъ Головы, Левко, разставшись съ товарищами, хотѣлъ еще разъ попрощаться съ Галею; подходишь къ ея хатѣ, видишь, что Галя стоитъ съ какимъ-то высокимъ человекомъ, и спрятавшись за дерево, слышишь, что она произнесла его имя. „Левко? „Левко еще молокососъ! говорилъ хрипло въ „сокій человекъ. Если я встрѣчу его когда нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ...“ Досадно было сіе Левку, однако же ему хотѣлось подслушать, что будетъ говорить

далѣе. — „Незнакомецъ продолжалъ такъ
 „пихо, что нельзя было ничего разслушать.
 „Какъ тебѣ не стыдно! сказала Ганна, по
 „окончаніи его рѣчи. Ты лжешь, ты обма-
 „нываешь меня; ты меня не любишь; я нико-
 „гда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!“ —
 Какова же Ганна! Кто бы подумалъ, что
 она такая кокепка? Левко долженъ бы рваться
 отъ досады и ревности! Но разговоръ ея
 оставленъ Авпоромъ безъ развязки, какъ
 будто онаго и вовсе не происходило. Влю-
 бленный Левко ничего не видалъ тушь дурна-
 го, — а разсердившись за одного только се-
 бя, хотѣлъ было дать преуха незнакомцу,
 „и остолебенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ
 „стоялъ отецъ его,“ имѣвшій свиданіе съ
 Ганною: поясненіе сіе необходимо, ибо безъ
 онаго можно подумать, что Голова очутился
 передъ сыномъ случайно, и что Ганна раз-
 говаривала съ какимъ-нибудь другимъ высо-
 кимъ человекомъ. — Послѣ сего Ганна по-
 спѣшно опять влетѣла въ хату. Голова, ра-
 зогнавши парубковъ, повиснувшихъ ему на
 шею, принимая его въ темнотѣ, разумѣется,
 за Ганну, отправился домой, — а Левко
 сталъ кричать: „Гей хлопцы! сюда! сюда!
 „махая рукою къ парубкамъ, которые вновь
 собирались въ кучу (Смр. 159). Услышавъ
 крикъ и ночью, не двковина; но увидѣвъ ма-

ханіе рукою, погда, какъ высокій Голола могъ показаться молоденькою дѣвушкою, — мудро; въ зпомъ вслякой со мною согласился.

Раздосадованный Левко уговариваетъ собравшихся парубковъ побѣснись хорошенько отца своего, „попередѣвавшись, кпо во что ни попало,“ учинивъ ихъ спѣшь пѣсню, которая какъ нарочно сложилась въ умъ его про Голову; — и вся вапага отправляется для исполненія сего, ни съ чѣмъ несообразнаго предложенія въ отношеніи сына къ отцу родному.

Нѣтъ! до такого соблазна въ Малоросіи не дошли еще дѣти наши! Изъ обстоятельства сего видно, что Панько не довольно выкинулъ въ характеры земляковъ своих!

Гостяцій у Головы винокуръ, лице прелебавное. Панько изобразилъ намъ его прекрасно; но разсужденіе самого Головы: „что „за дурни, прости Господи, или Нѣмцы! Я „бы бабогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слы- „ханное ли дѣло, чтобы паромъ можно было „кпяшнить что! — По зтому, ложку бор- „щу нельзя поднести къ рту, не изжаривши „губъ, вмѣсто молодого поросенка?“ — ннѣ кажется не удачно, а особливо заключеніе. Къ чему шумъ прилѣпленъ молодой поросенокъ? За то разсказъ винокура: какъ одинъ захожій, у щещи его, удавился галушкою, и

послѣ того, будучи мертвецомъ, не давалъ ей покою, садясь всякой вечеръ верхомъ на трубу ея хаты, съ галушкою въ зубахъ — испинно комическое повѣрье народное.

Пѣсня, пропѣтая парубками подь окномъ у Головы, сложенная сыномъ сего послѣдняго, не дѣлаетъ чести трубадуру: во многихъ простонародныхъ пѣсняхъ Малороссійскихъ гораздо болѣе складу, нежели въ семъ смѣшеніи нарѣчій Малороссійскаго съ Русскимъ. Въ самыхъ первыхъ двухъ стихахъ:

„Хлопцы слышали ли вы?

„Наши ль головы не крѣпки!“

не доберемъ полку, — а третій стихъ во второмъ куплетѣ, и печатать бы не слѣдовало. Но какъ пѣсня сія сложилась вдругъ въ головѣ огорченнаго, и онъ не изъ привилегированныхъ Поэтовъ, то и разбираешь ее далѣе не для чего.

Дерзость парубковъ и пѣсня, въ которой, по замѣчанію винокура, „они помпнали „Голову, не совсѣмъ благоприспособными словами..“ — разсердили сего послѣдняго. Выскочивши на улицу, онъ схватилъ челоуѣка въ вывороченномъ шерстью вверхъ овчинномъ черномъ тулупѣ съ длинною бородою и съ размалеванною рожею, и потащилъ его въ сѣни. Переряженный такимъ образомъ челоуѣкъ, „не оказывая ни какого сопротивле-

„нія, спокойно слѣдовалъ за нпнъ, какъ буд-
 „шо въ свою хату.“ (Стр. 174.) „Десятскій
 „забречалъ небольшоимъ всячимъ замкомъ
 „въ сѣнахъ и отворилъ камору. — Въ это
 „самое время плѣнникъ, пользуясь темнотою
 „сѣней, вдругъ вырвался съ необыкновенною
 „силою изъ рукъ его.“ Прошу замѣтить не-
 „обыкновенную силу пойманнаго. — „Куда?
 „закричалъ Голова, ухвативъ его еще крѣпче
 „за воротъ. Пустя, это я! слышался понень-
 „кій голосъ. Не поможетъ! не поможетъ,
 „братъ! вскричалъ Голова. — Выжи себѣ
 „хоть чортомъ, не только бабою, меня не
 „проведешь! и толкнулъ его въ темную ка-
 „мору такъ, что бѣдный плѣнникъ застоналъ,
 „упавши на полъ.“ (Стр. 175.)

Послѣ сего подвига Голова съ прочими
 отправился къ писарю, который попался имъ
 на встрѣчу, и рассказалъ, что и онъ поймалъ
 переряженнаго такимъ же образомъ человека,
 и заперъ его въ той хатѣ, гдѣ держатъ ко-
 лодниковъ. Тутъ начался споръ между писа-
 ремъ и головою о томъ, у кого сидитъ пе-
 реряженный сорванецъ. „Давайте огня! огонь
 „принесли, дверь отворили, и Голова ах-
 „нулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою
 „свояченицу,“ живущую у него, которая и
 напустилась за то, что онъ, схвативши ее
 желѣзными своими лапами, толкнулъ въ

камору. „Счастіе, говорила свояченица, „что не ударилаь головою объ желзныи „крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это „я?“ (Стр. 178.)

„Да, я вижу, что это ты!“ сказалъ Голова, очнувшись. „Что скажешь, папъ пп-сарь; не шельма ли эштоъ проклятыи со-„рви-голова.“

„Шельма, папъ Голова.“ (стр. 179).

Все сіе происходитъ, какъ видно, въ домѣ Головы, куда всѣ они вѣроятно возвратились, хотя Авторъ и не объяснилъ сего, равноѣрно какъ не объяснилъ онъ и того, какимъ образомъ очутилась въ рукахъ Головы свояченица его, вмѣсто схваченнаго имъ перодѣтаго парубка?? и вышла совершенная пупаница, *исенитница* — по нашему.

Здѣсь я долженъ замѣтить еще, что у насъ вовсе нѣтъ въ обыкновеніи, при разговорѣ, величать другъ друга паномъ. Это если и было, такъ было очень давно, и то между дворянами, когда еще оставались въ памяти Польскіе обычаи, исчезшіе теперь въ народѣ, старающемся *закидывать* иногда, какъ говорится у насъ, по-Московски. Но посмотримъ, кого-то найдутъ Голова съ инсаремъ, винокуромъ и десятскимъ, въ той хатѣ, гдѣ держатъ колодниковъ.

„Двери отворились, и ... Голова спалъ

„блѣдень, какъ полотно; винокуръ почув-
 „спивоваль холодъ, и волосы его, казалось, хо-
 „пѣли улепѣть на небо; ужась изобразился
 „въ лицѣ писаря, десятискіе приросли къ зе-
 „млѣ, и не въ состояніи были сомкнуть
 „дружно разинутыхъ ртовъ своихъ: передъ
 „ними стояла свояченица.“ (Смр. 183.) Ее
 приняли за сатану.

„Огня! живѣе огня! закричалъ голова. За-
 „жигай хату, чтобы и костей чортовыхъ не
 „осталось на землѣ! „Что вы, братцы! гово-
 „рилъ винокуръ; слава Богу, волосы у васъ
 „чуть не въ снѣгу, а до сихъ поръ ума не
 „нажили: отъ простаго огня вѣдьма не заго-
 „рится! Только огонь изъ люльки можетъ
 „зажечь оборотня. Постойте, я сей часъ
 „улажу! Сказавши это, высыпаль онъ горя-
 „чую золу изъ трубки въ пукъ соломы, и
 „началь раздувать ее. Опчальнѣе придаю
 „въ это время духу бѣдной свояченицѣ, гром-
 „ко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

„Постойте, братцы! зачѣмъ напрасно
 „грѣха набираться; можетъ быть, это не
 „сатана, сказалъ писарь. Если оно, то есть
 „то самое, которое спитъ тамъ, согла-
 „сится положить на себя крестное знаме-
 „ніе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ.
 „Предложеніе одобрено. Чуръ меня, сатана!
 „продолжалъ писарь, приложась губами къ

„скважнѣ въ дверяхъ: если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь.

„Дверь отворили.

„Перекрестись! сказала Голова, огляды-
„ваясь назадъ, какъ будто выбиралъ мѣсто въ
„случаѣ респираты.

Свояченица перекрестилась, (стр. 183. 184 и 185), и рассказала имъ уже на сей разъ: „какъ схватили ее хлопцы въ охапку на ули-
„цѣ и не смотря на сопротивленіе, опу-
„стили въ широкое окно хаты и заколотчи-
„ли ставнемъ.“

Надобно догадываться, что чрезъ сіе самое окно вылезъ и парубокъ, пойманный писаремъ. Но зачѣмъ эта свояченица, испытавши уже не малый страхъ въ своей каморѣ, опять выбѣжала на улицу? или въ происшествіе сей повѣсти дѣйствительно замѣшался сапана?

Какъ бы то ни было, но винокуръ и писарь списаны съ народныхъ характеровъ живыми красками. Панько представилъ намъ ихъ мастерски. Жаль, что онъ торопился, какъ видно; а отъ того въ забавной его картинѣ есть мѣста, неотдѣланныя окончательно, въ чемъ онъ и самъ, полагаю, согласится безпрекословно.

Левко, виновникъ всей этой суматохи, ускользнувши отъ десятскихъ, и не забо-

пясь объ нихъ болѣе, присѣлъ отдохнуть у пруда, и чуть было не заснулъ путь; но, ободрившись, началъ любоваться природою, описываемою Панькомъ въ семь мѣстъ слогомъ весьма пріятнымъ, и близкій къ разрушенію, старинный господскій домъ показался Левку великолѣпнымъ. „Сквозь чистыя стекла мелькала позолота.“ Это уже слишкомъ; у насъ и теперь такихъ домовъ мнѣ видѣть не случалось, а Левку и во снѣ не можетъ присниться; ибо онъ о подобномъ великолѣпнѣ, будучи казакомъ - земледѣльцемъ, конечно не имѣетъ ни какой пѣсн. Изъ окошка выглянула привѣтливая головка съ блестящими очами. Такимъ образомъ началось продолженіе сказки о сотниковой дочери, которая утопилась черезъ злую свою мачиху, и сдѣлалась начальницею утопленницъ.

Левко видѣлъ, какъ утопленницы играли въ хороводъ передъ своею повелительницею; сія проситъ его узнать между ними ея мачиху, принявшую видъ ихъ, чрезъ невѣдомое присутствіе коей, первая „не можетъ плавать легко и вольно, какъ рыба, а тонетъ „и падаетъ на дно, какъ ключъ.“

Въ игрѣ утопленницъ въ корона, Левко узнаетъ мачиху, и указываетъ ее. За сію услугу повелительница вручаетъ ему записку, которую онъ схватилъ и... проснулся.

Слѣдовательно, Левку все это грѣзилось; — посмотримъ. Между тѣмъ надобно сказать, что сказка объ утопленницѣ взята изъ повѣрья народнаго, и рассказана занимательно.

Теперь оканчивается повѣсть, вмѣшанная въ означенную сказку, или въ которую сказка вмѣшана; ибо подѣ заглавiемъ: Утопленница, Панько вмѣстилъ и народную сказку, и повѣсть о волосатомъ Головѣ, его сынѣ и любезной послѣдняго. Два сiя предмета, происходяще отъ двухъ различныхъ обстоятельствъ, въ концѣ сказки или повѣсти соединяются какою-то волшебною силою.

Левко, какъ я выше замѣтилъ, во снѣ получилъ записку отъ старшей утопленницы; но проснувшись, дѣйствительно нашелъ въ рукѣ своей записку, которую, исполняя приказанiе утопленницы, подалъ сыскавшему его, отцу своему, Головѣ.

По разсмотрѣнiи записки писаремъ, оказалось, что она была написана рукою Коммиссара.

Чуду сему нѣтъ ни какой развязки; оно осталось чудомъ, какъ для насъ, такъ и для самого Левка; записка же была слѣдующаго содержанiя:

„Приказъ Головѣ, Евшуху Макогоненку.
„Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ,

„вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ, и спрощъ пакости. А въ слѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левка Макогоненка, на казачкѣ, изъ вашего села Ганиѣ Петриченковой,“ и проч. Коммиссаръ, отставной Поручикъ Козьма Деркачь-Дришпановскій.

Изъ записки сей всякой Малороссіянинъ увидитъ, что Пасичнику Рудому-Паньку никогда не удавалось читать приказы Комиссара по волосіямъ.

Подобныя, распорядительныя приказы пишутся у насъ Коммиссарами въ Волостныя Правленія, а не на имя Головъ, въ чемъ каждый можетъ удостовѣриться, заглянувши въ дѣла любого волостнаго правленія, проѣзжая Малороссію; да если бы какому нибудь Деркачу и вздумалось бранить письменно Голову дуракомъ, и приказывать ему женить пошачь сына, то за брань голова принесъ бы письменную же жалобу, — а приказаніе показалось бы ему шуточнымъ; ибо оно дѣйствительно весьма смѣшное и несообразное съ дѣломъ.

Значеніе волостныхъ, а не одного села Головъ, (каковыхъ въ селѣ не бываетъ, развѣ бы оно состояло изъ нѣсколькихъ тысячъ душъ), и мнѣніе ихъ о себѣ я описалъ выше

для того, чтобы самъ землякъ мой, Панько, убѣдился теперь въ томъ, что онъ не все знаетъ въ Малороссіи, и что ему нужно, намѣреваясь описывать нравы и обычаи жителей ея, болѣе выкинуть въ сіи предметы, богатые для наблюдательнаго Писателя.

Вышесписанный приказъ Коммиссара такъ подѣйствовалъ на Голову, что сей послѣдній на другой же день назначилъ обвѣчать сына своего Левка Макогонца, съ Ганною Пеприченковою. Сямъ и оканчивается повѣсть или сказка: Майская ночь, или Утопленница. — За нею слѣдуетъ быль. *Пропавшая грамота.*

Эту быль Панько слышалъ отъ дьячка ***ской церкви.

Послѣ весьма хорошо придуманнаго вступленія, дьячекъ началъ рассказывать, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ его *съ дурня* (въ дурачки). Тутъ тотчасъ пришло мнѣ на мысль заглавіе одной книжечки прелезавной: Быль не быль, однако же и не сказка, и я остановился на томъ, какое бы заглавіе было прилично такой быль, въ которой описывается игра въ карты обыкновеннаго человека съ вымышленными въ народѣ вѣдьмами? Но вспомнивши остроумную рецензію въ No 243 Сѣверной Пчелы, на Повѣсть Александра Шидловскаго: *Гребенской казакъ,*

— переставилъ слова и вышло: Не сказка, однако же и не была. Почему бы Паньку свою быль прямо не назвать сказкою, когда она есть въ самомъ дѣлѣ сказка? такъ пѣть, шеперь и самыя заглавія должны быть загадочны. Не лучше ли бы держаться того правила, чтобы содержаніе книги опредѣляло заглавіе оной? Юрій Милославскій, и п. п., носятъ названія Романовъ, не заключающія въ себѣ ничего изысканнаго; но слогъ, предметы, вошедшіе въ составъ ихъ, дѣлаютъ сіи простыя заглавія неизгладимыми въ памяти, вмѣстѣ съ именами Авторовъ.

Но обратимся къ дѣячу, или лучше къ дѣду его, игравшему нѣкогда съ вѣдьмами въ дурня. Дѣдъ этотъ былъ грамотный, а въ тогдашнія времена, т. е. назадъ тому лѣтъ за 80 или около того, если вѣрить дѣячу, „собравши всего Батурнина грамотѣвъ, „по нѣчего и шапки подставлятъ, въ одну „горсть можно было всѣхъ уложить.“ Шапка для сего и горсть должны-бы были быть такія, какихъ ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ написать: ибо во время пребыванія Геммановъ Малороссійскихъ въ Батурнинѣ, молодые дворяне со всей Малороссіи, грамотные, стекались въ сію резиденцію Геммана, чтобы начать при немъ службу, и чтобы, пройдя съ перомъ въ рукахъ всѣ мытарства

канцелярскія, со временемъ бытъ Сопниками и такъ далѣе, перемѣняя въ послѣдствіе перо на саблю, сообразно обстоятельству службы.

17-го Февраля 1750 года избранъ послѣднимъ Гетманомъ Малороссіи Графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій, и ему дозволено было жить въ Батуринѣ; ибо съ 1708 года (когда 9 Ноября Батуринъ былъ преданъ огню и мечу), послѣ избранія Гетманомъ Ивана Скоропадскаго, какъ онъ, такъ и слѣдующій за нимъ Гетманъ Данилъ Апостоль, со всеми управленіями Малороссійскаго края, равно какъ и управленія сіи, между избраніями Гетмановъ, имѣли пребываніе свое въ Глуховѣ.

Не трудно рѣшимъ, когда было болѣе грамотѣвъ въ Малороссіи, (не только что въ Батуринѣ), во время ли Гетмана или теперь, принявши въ соображеніе, что тогда Малороссіане, имѣвшіе дорогу къ почестямъ и достоянію на родинѣ, не многіе искали сего въ Петербургъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, и что теперь, напропавъ того, чувство собственнаго достоинства и бѣдность заставляютъ большую часть (скажемъ по нашему) голыхъ земляковъ мочь искать въ столицѣ хлѣба, а оперившись, и почестей. И такъ, я полагаю, всякой согласится, что

при Гетманахъ было болѣе въ краѣ у насъ грамотѣевъ, нежели въ настоящее время; когда они разсѣялись по всему обширному Русскому Государству.

Посему дѣлчекъ, вмѣняя въ такое большое достоинство дѣду своему грамотность, не сообразился съ обстоятельствами времени. Равноѣрно не сообразился онъ, или передающій намъ сказку его, Паспчникъ Рудый Панько, и въ томъ, чтобы Гетманъ Разумовскій посылалъ къ Царицѣ грамоту съ верховымъ гонцемъ, и чтобы выборъ гонца палъ на такого простака, который зашилъ бы грамоту въ шапку.

Всѣ сѣи обстоятельства описаны Панькомъ не въ духъ того времени, (имѣющаго весьма немного разницы съ настоящимъ). Отправленіе гонца его должно было случиться непременно въ Гетманство Разумовскаго, какъ я замѣтилъ выше: ибо грамота была къ Царицѣ; при Императрицахъ же Екатеринѣ I (*) и Аннѣ Іоанновнѣ, Гетмановъ въ Малороссіи не было; следовательно грамота сія отправлялась къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, или къ Екатеринѣ Великой; а въ царствованіи сѣи

(*) Гетманъ Скоропадскій скончался 3 Іюля 1722 года, а избранъ послѣ него Гетманомъ Апостоль, 1 Октября 1727 года.

существовали уже вездѣ учрежденныя почты. Послѣ сего верховой курьеръ, зашивающій грамоту къ Царницѣ въ шапку, не покажется ли всякому смѣшнымъ? Противу сего и самъ Панько, подумавши хорошенько, вѣрно не будетъ спорить.

Если въ какомъ нибудь романѣ, или повѣсти, Авторъ касается лицъ или обстоятельствъ, которыя имѣютъ свое время, онъ обязывается справляться съ тѣмъ временемъ. Это необходимое условіе. Повторяю, что землякъ мой Панько слишкомъ торопится. Ежели онъ мечтаетъ когда нибудь содѣлаться нашимъ Вальперомъ-Скотомъ (чего, да позволено мнѣ будетъ опять чистосердечно пожелать ему), то конечно согласится, прочитавши всѣ сочиненія сего знаменитаго Шопландскаго Романиста - Историка, въ томъ, что хотя Вальперъ - Скотъ славенъ уже и просто романами, но еще славнѣе соблюденіемъ въ оныхъ вѣрно историческихъ преданій и современности.

Верховой гонецъ, о которомъ я долженъ былъ говорить, можетъ быть, и слишкомъ долго, прибылъ, какъ повѣстивуетъ внукъ его дячекъ, въ Конопоць (*), на самую ярмарку. Яр-

---

(*). Стоитъ взглянуть на почтовую карту, и всякой увидитъ, что посланный къ Царницѣ даже дороги не зналъ изъ Батурина на сѣверъ: ибо не-

марка сія подобна Сорочинской, и такъ же хорошо описана Панькомъ, какъ и послѣдняя; на Коношопской читатель увидитъ такихъ же: и перекупку съ бубликами, и Цыгана, и пьяныхъ гулякъ; следовательно и говоришь объ ней нечего. Распоропный гонецъ, шатаясь по ярмаркѣ, познакомился съ Запорожцемъ, и уговорился за попойкою ѣхать вмѣстѣ съ приплешшимся къ нимъ претъпымъ гулякою. Запорожець, рассказывая имъ на пумидковинныя исторіи и присказки, съ наступленіемъ ночи припихъ, вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ, и опкрылся, наконецъ, что душа его давно продана нечистому, и что въ ночь эту срокъ молодцу! Гонецъ ни сколько не спрусилъ, и они ѣхали далѣе. Показался огонекъ, подъѣхали къ повалившемуся на одну сторону шинку, остановились въ ономъ, выпили еще *треть ведра* горѣлки, и легли спать. Гонецъ, дѣдъ дѣляка, долго бодрствовалъ; но крѣпкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый; проснувшись же, не нашель ни Запорожца, ни коней; нечего дѣлать, пошелъ пѣшкомъ. „Хватился за шапку и шапки „нѣтъ. Всплеснулъ дѣдъ руками, какъ вспо-
 легкая его занесла въ Коношопъ, лежащій 30 верстѣ назадъ, — совсѣмъ въ прошивную сторону:

„мнилъ, что вчера еще помѣнились они на время съ Запорожцемъ. Разумѣется, шапка, ми. Вотъ тебѣ и Гейшманскій гонецъ! Вотъ тебѣ и привезъ грамоту къ Царницѣ!“ После многихъ совѣщаній съ чумаками, также ночсвавшими въ шинкѣ, дѣдъ принужденъ былъ купить наставленіе у шинкаря, какимъ образомъ опыскашь свою шапку.

Пронсшествіе сіе и наставленіе рассказано прекрасно, въ выраженіяхъ народныхъ, и наблюденіе повѣрій не упущено.

По наставленію шинкаря, дѣдъ, съ деньгами въ карманахъ, пробираясь ночью страшнымъ лѣсомъ, сквозь терновникъ, и попадая иногда на дорожки, какъ обыкновенно говорится въ сказкахъ, выбрался наконецъ на проспорное мѣсто, и очутился близъ рѣчки, черной, словно вороненая спаль; на другой сторонѣ рѣчки брезжетъ огонекъ; прішедши къ оному, дѣдъ увидѣлъ возлѣ огня какія-то „смазливыя рожи,“ сѣлъ въ кружокъ, и послѣ долгаго молчанія, забравъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги, кинулъ ихъ въ середину сидящихъ. — Черти и вѣдьмы, — ибо это были онѣ, начали плясать. — „Дѣда, не смой, прѣ на страхъ весь, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на Нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостиками, увивались около вѣдьмы“ (стр. 231). Соску-

часъ на бѣсовскомъ пиру, принялся онъ требо-
 вать своей шапки, которую и общано
 ему возвращить, когда онъ сыграетъ съ вѣдь-
 мами три раза *въ дурня*. Подали карты, на-
 чалась игра, описанная мастерски. — Уже
 два раза проигралъ дѣдъ; но за третѣмъ
 разомъ догадался перекреститься, и выигралъ;
 шутъ шапка бухъ прѣмехонько ему въ лицо;
 а попомъ и конь его явился передъ нимъ въ
 видѣ скелета. — Чортъ хлопнулъ арапни-
 комъ, конь взвился и понесъ дѣда чрезъ про-
 пасти и болота. „Въ какихъ мѣстахъ онъ
 „не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ
 „разказахъ. — Глянулъ какъ-то себѣ подъ
 „ноги, — и пуще перепугался: пропасть!
 „крупизна страшная. — *А сатанинскому*
 „животному и нужды нѣтъ; прямо черезъ
 „нее. — Дѣдъ держатся: не шутъ-то было.
 „Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ спрем-
 „главъ въ провалъ, и такъ хвапился на
 „днѣ его о землю, что кажись и духъ
 „вышибло“ (стр. 238) И такъ дѣдъ скакалъ
 на сатанинскомъ животномъ; но какъ онъ
 очутился на конѣ, — не извѣстно; ска-
 зано только, что чортъ хлопнулъ арап-
 никомъ, и конь взвился: надобно догадаться,
 что на немъ сидѣлъ уже дѣдъ, полетѣвшій
 потомъ спремглавъ въ провалъ, гдѣ, „какъ
 „очнулся немного, и осмотрѣлся, то уже

„разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали
 „знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ
 „своей же хаты“ (стр. 238.) Снилось ли все
 сіе дѣду, или принадлежитъ были, Авторъ не
 поясняетъ; но первый, вошедши въ хату,
 видитъ, что жена его „сидитъ передъ греб-
 „немъ, держитъ въ рукахъ веретено и сон-
 „ная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣдъ, взявши
 „за руку (кого?), разбудилъ ее: здравствуй,
 „жена! здорова ли ты? Та долго смотрѣла,
 „выпучивши глаза, и наконецъ уже узнала
 „дѣда, и рассказала, какъ ей снилось, что
 „печь ѣздила по хатѣ, выгоня вонъ лопатною
 „горшки, лоханки...“ — „Ну, говоритъ дѣдъ,
 „тебѣ во снѣ, мнѣ на яву.“ — Снѣмъ кончается
 сказка, занимающая болѣе трехъ четвер-
 тей небывалой быль, включивъ въ листки
 сей послѣдней и вступленіе. По словамъ дѣ-
 да: „тебѣ со снѣ, мнѣ на яву,“ — должно
 думать, что чертовщина бабѣ грѣзилась, а
 дѣдъ въ самомъ дѣлѣ попалъ было въ некло;
 но какъ онъ, полетѣвши спремглавъ въ про-
 валъ, очутился, съ окровавленными руками,
 на крышѣ своей хаты, — Авторъ также не
 поясняетъ; а заставляетъ его „отдохнувши
 „немного, достать коня,“ (по этому коня
 его не шуточно скушали вѣдьмы съ чертя-
 ми?), на которомъ онъ и доѣхалъ уже, не

останавливался, ни днемъ, ни ночью, до мѣста, и отдалъ грамоту самой Царницѣ.

„Тамъ навидѣлся дѣдъ такихъ дивъ, что „стало ему на долго послѣ того рассказы- „вать: какъ повели его въ палаты такія „высокія, что если бы хать десять поста- „вить одну на другую, и тогда, можетъ „быть не достало бы. Какъ заглянулъ онъ „въ одну комнату — нѣтъ, въ другую — нѣтъ, „въ третью — еще нѣтъ — въ четвертой даже „нѣтъ; да въ пятой уже, глядь, сидитъ Сама, „въ золотой коронѣ, въ сѣрой новенькой свит- „кѣ, въ красныхъ сапогахъ, и золотыя галуш- „ки петь. Какъ велѣла ему насыпать цѣлую „шапку синицали (*), какъ.... всего и выпол- „нить нельзя. — Объ вознѣ своей съ чер- „тями дѣдъ и думать позабылъ.... и видно „уже въ наказаніе, что не спохватился топ- „часъ послѣ случившагося съ нимъ чуднаго „проншествія освятишь хату, бабѣ, ровно „черезъ каждый годъ, и именно въ то самое „время дѣлалось такое диво, что танцуется „бывало, да и только. — За что ни при- „мется, ноги затѣвають свое, и вопъ такъ „и дергаетъ пущишься въ присядку.“

Такъ кончилась четвертая и послѣдняя

(*) Разумѣется ассигнаціями, кои введены въ Россію слишкомъ за 60 лѣтъ.

повѣсть Пасичника Рудаго-Панька, въ Вече-
рахъ его на хуторѣ близъ Диканки. — Спра-
шиваю теперь: повѣсти ли это, или сказки,
и идетъ ли названіе было, сказочкѣ: *Пропав-
шая грамота?*

Изображеніе Царицы въ сѣрой новень-
кой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ, которая
кушаетъ золотыя галушки, почерпнуто
Панькомъ изъ старой, но не древней шуточ-
ной выдумки о какомъ-то глупцѣ подобнаго-
же глупца. — Плоская шутка сія такъ же
стара, какъ и неприлична и неумѣстна. Она
не забавна теперь для самыхъ простѣйшихъ
олуховъ изъ поселянъ нашихъ.

И это Панько называлъ былью?

Разсказъ его во всѣхъ четырехъ сказ-
кахъ имѣетъ много забавныхъ сценъ; есть
въ ономъ много оспрошы; нѣкоторыя народ-
ныя повѣрья наблюдаены внимательно; слогъ,
исключая высокопареній, довольно удачно
припоровленъ къ описываемымъ предметамъ;
но есть также вообще великіе промахи, ко-
торые и замѣчены мною здѣсь съ самымъ до-
брымъ намѣреніемъ.

Нѣтъ, любезный землякъ, не внимай, —
безъ размысленія, похвалямъ журнальнымъ,
какія бы онѣ ни были, Русскія или иностран-
ныя; не гордись тѣмъ, что тебя похвалялъ
прославившійся Поэтъ, въ письмѣ, написан-

номъ имъ, можетъ быть, и не для печати; не довѣрай авторскому своему самолюбію; а выслушавши правду отъ почитающаго тебя и любящаго твою родину, земляка твоего, стараго Царынина (*), — пиши и впередъ, дай Боже, чтобъ писалось! написавши же что нибудь народное, пересмотри его внимательно, свѣрся съ правами и обычаями той сипраны, о которой рѣчь идетъ, перечитай его съ разумнымъ тамошнимъ уроженцемъ, не лѣнись поправить, что признается нужнымъ, — и потомъ уже отдавай печатать. — Съ твоимъ перомъ можно много написать хорошаго, оригинальнаго, во славу свою и милой родины нашей. Соперниковъ на скудной литературной отечественной почвѣ не много ты встрѣпишь; иное дѣло, еслибы тебѣ вздумалось писать виршами, — а на прозу мало еще охотниковъ; она не дается, какъ-то, въ большемъ объемѣ одной тоненькой книжки. — И такъ, пока лѣнь и недосуги мѣшаютъ прозаическому наводненію

(*) Царыною въ Малороссіи называются сельскіе шлагбаумы; лѣтомъ устроивается около ихъ шалашъ, въ которомъ кочуетъ въ продолженіе всего лѣта старикъ, именуемый царынинымъ: его обязанность смотрѣть, чтобы всегда были заперты ворота, дабы скошь изъ села не бѣжала въ хлѣба.

трудись, и неусыпность, при счастливом талантѣ, вознаградились отдохновеніемъ на душистыхъ миртахъ!

Многимъ, быть можетъ, покажется странно, что я о четырехъ королевскихъ сказочкахъ написалъ такое длинное размышленіе. Быть можетъ нѣкоторые скажутъ, что сказочки сіи менѣе стоили трудовъ Автору ихъ, нежели мнѣ, разбравшему оныя. На это я бы отвѣчалъ: что похвалы Повѣстямъ Пасичника Рудаго-Панька извѣстныхъ Литераторовъ-Журналистовъ, — противное тому замѣчаніе на Повѣсти одного изъ нихъ, и имя самого Автора, были причиною особеннаго любопытства прочитавъ книгу, въ которой я съ жадностію желалъ увидѣть родное, описанное землякомъ, знающимъ не по слухамъ народные нравы, обычаи и повѣрья той стороны, гдѣ я родился, и гдѣ желаю окончить дни мои. Съ ощущеніями сего, я прочиталъ Повѣсти Пасичника-Панька, нашелъ, что это сказки, но сказки, заслуживающія чтеніе. — Хотя, признаюсь, ожидалъ найти въ нихъ болѣе, нежели нашелъ въ самомъ дѣлѣ; но утѣшаюсь надеждою, читая со временемъ тщательнѣе отдѣльныя произведенія Панька, начавшаго писать нѣчто свое; а какъ ни одинъ изъ Гг. Литераторовъ-Журналистовъ не сказалъ о По-

вѣспяхъ Панька ничего, похожаго на рецензію, то я, не будучи Журналистомъ, для коего разборъ книги есть работа срочная, принялся охотно, въ свободное время, изложить о прочитанныхъ мною сказкахъ мои мысли, не какъ Авпоръ ремесломъ, а какъ простой Малороссіянинъ, радующійся всему хорошему касательно родины, и сънующій на неудачныя попытки прозою и стихами изобразить нѣчто наше. Досадно было мнѣ читать въ томъ самомъ *№ 17 Телеграфа*, въ которомъ помѣщено замѣчаніе на *Повѣсти, издавныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ*, — *опытъ перевода Полтавы А. С. Пушкина, Поэмы, на Малороссійскій языкъ*. Переводчикъ ли (правильнѣе бы назвать перелагатель съ Русскаго на Малороссійское нарѣчіе, а не языкъ) или корректоръ Телеграфа, — но кто-нибудь изъ нихъ надѣлалъ столько ошибокъ въ словахъ, что даже слуху больно. — Напримѣръ:

По - нашему. — Напечатано:

скризь	—	скричь.
сребро	—	срибро.
бжлѣ рій	—	рий.
спрій	—	сприй.
тогда	—	тогда.
полки	—	повки.

Напеч: *Въ зеленимъ луга безъ людей.* (1 куп. 4 сл ихъ)
 Слѣдовало: *Въ зеленимъ луга безъ людей.* Напеч:

Не златомъ богате Якимъ (1 куп. 13 строк.)
Слѣдов. Не золотомъ богатъ Якимъ.

Самое переложеніе не совсѣмъ удачно; напр. А лугъ такъ а-жъ кишитъ волами (1 куп. стих. 5.) — Слово *кишитъ* употребляется у насъ при изображеніи кучи, тьмы червей, и ни сколько неидетъ къ изображенію стада рогатаго скота, или воловъ.

Переложитель говоритъ (2 куп. ст. 7 и 8.)
„А все здавалось, оставался
Мазепа *кривниль* до Пешра.“

Кривнимъ значило бы роднымъ; какое же родство имѣлъ Мазепа съ Пешромъ Великимъ?

Годы да праця зопсовали.

У юго *Отаманскій* духъ! (2. куп. ст. 11 и 12)

Что это за отаманскій духъ? Я природный Малороссіянинъ, но испинно не понимаю.

Впрочемъ, стихи сіи, по переправкѣ ихъ, были бы лучше многихъ попытокъ въ семь родъ. Отъ переложителя, и по самому уже прозванію *Москаля*, ибо если бы онъ былъ Малороссіянинъ, то прозывался бы не Гребенкинъ, а просто Гребника, — не возможно требовать, чтобы онъ совершенно зналъ Малороссійское нарѣчіе и обороты языка, а потому замѣченныя мною ошибки ему и простительны. Охоша, какъ говорится, пуще неволл! — Въ одинъ и тотъ же день

мнѣ случилось прочитати и переложеніе Повѣсти Полтавы на Малороссійское нарѣчіе, и листъ: *Одѣ Украинця до Ляхивъ*, писанный стихами же на семь нарѣчій Порфиріемъ Байскимъ. — Эпотъ листъ упечатался на двухъ съ небольшимъ страницахъ (*), хотя во всякомъ между X строчій можно бы свободно помѣстить еще по стиху, а между куплетами и по два; примѣчаніе же Автора къ сему стихотворенію: *Листъ одѣ Украинця до Ляхивъ, толкованіе и словарь пояснительный*, заняли чепыре страницы мелкой печати. Стихи стихами; но желалось бы знати, для кого они написаны? Если для насъ, Малороссійянъ, то словарь пояснительный намъ не подѣ-нужду; если же вообще для Русскихъ, то врядъ ли кто будетъ имѣть терпѣніе выучить сперва словарь, чтобы потомъ понятно было чтеніе нѣсколькихъ Малороссійскихъ куплетовъ, не заключающихъ въ себѣ ни какой особенной высокой Поэзіи.

Не стану спорить, что *пащиковати* есть крамольничать, сплетничать; хотя слово сіе, сколько мнѣ извѣстно, и не употребляется въ настоящемъ Малороссійскомъ нарѣчій; не стану увѣрять Г. Байскаго и въ томъ, что рыцарь, слово, употреблявшееся

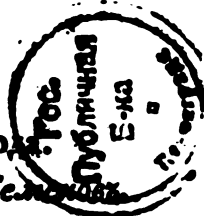
(*) Стихотвореніе сіе продается по два рубля во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

Гепманахъ, въ чемъ онъ самъ можешь
 повѣрится во всякой старинной Мало-
 сійской военной рукописи, и что *лицарь*
 вариваютъ одни карпавые, косноязычные,
 обно какъ, вмѣсто полки — *повки*, (какъ
 чено выше о переложеніи Полтавы, Г.
 бенкинымъ); но да позволено мнѣ будетъ
 амъ опкровенно, что стѣхи его не пре-
 кодны. — Въ эпюмъ ссылаюсь на всѣхъ
 ороссіянъ образованныхъ, забывшихъ
 бчія родины, какихъ здѣсь въ столицѣ
 ма много. — Впрочемъ, Г. Байскій
 вствованіями своими, относящимися къ
 ороссіи, всегда радовалъ не только меня,
 и всѣхъ читающихъ земляковъ нашихъ. Бу-
 ь пишеть себя утѣшительною надеждою,
 онъ и Пасичникъ Панько, у коего, по его
 словамъ въ предисловіи къ Вечерамъ на
 морѣ близъ Диканьки (стр. XIV), набе-
 ся уже маперіалозъ книжекъ на десять,
 обныхъ вечеровъ, уполяютъ пріятно жа-
 нашу къ чтенію оригинальнаго — опе-
 пвеннаго.

Андрій Царинный.

Декабря.
 31.

Печатать позволяется:
 книпешербургъ, Января 1 дня 1832 года.
 Цисоръ, В. Селенный.

Stockton, Calif.

Stanford University Libraries
3 6105 012 171 281

PG
3332
V4358
1832a

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

280 DEC 18 1995

NOV 29 1995

Digitized by Google

